

ЕВРОПА ПРОТИВ РОССИИ

Михаил
Крысин

ПРИБАЛТИЙСКИЙ
ФАШИЗМ:

ТРАГЕДИЯ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

Европа против России

Михаил Крысин

**Прибалтийский фашизм:
трагедия народов Прибалтики**

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6

Крысин М. Ю.

Прибалтийский фашизм: трагедия народов Прибалтики /
М. Ю. Крысин — «ВЕЧЕ», 2022 — (Европа против России)

ISBN 978-5-4484-8884-9

Прибалтийский фашизм – это трагедия народов Прибалтики. Потому что немецко-фашистская оккупация и порожденный ею коллаборационизм принесли неисчислимые беды этим народам. Оккупация стран Прибалтики стоила жизни сотням тысяч их граждан – не только евреев или русских военнопленных, но и литовцев, латышей, эстонцев. Сегодняшние правящие олигархии этих стран, с одобрения США и Евросоюза возрождающие фашистскую идеологию под новыми лицемерными названиями, несут такое же зло своим народам. Новое, переработанное издание книги посвящено не столько внешнеполитическим процессам накануне войны или бюрократической структуре оккупационного режима, а внутренним событиям в республиках Прибалтики во время Второй мировой войны и в послевоенные годы. В целом же книга охватывает период с 1940 года до первого десятилетия XXI века, практически до наших дней. 2-е изд., перераб. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-4484-8884-9

© Крысин М. Ю., 2022
© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	15
Установление советской власти в Литве, Латвии и Эстонии	15
Подготовка националистов к германскому вторжению в Литве	18
«Пятая колонна» абвера в Латвии	20
Антисоветское сопротивление в Эстонии накануне войны	22
Советские репрессии 1941 года	24
Версия коллаборационистов	26
Глава 2	30
«Июньское восстание» 1941 года	30
Создание «временного правительства Литвы»	31
«Самоочищение» Литвы: Каунас	32
«Самоочищение» Литвы: Вильнюс	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Крысин
Прибалтийский фашизм:
трагедия народов Прибалтики

Знак информационной продукции 12+

© Крысин М. Ю., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Предисловие Май 2022 года

Эта была написана еще в 2006 году. Первоначально она вышла под заголовком «Прибалтийский фашизм: история и современность» (издательство «Вече», 2007). Но с тех пор появилось много новой информации, вышли новые книги и статьи. Поэтому некоторые главы пришлось переписать заново, сократить или исправить, дополнить новыми данными. За прошедшие годы произошло немало событий, многое изменилось в мире, в международных отношениях. Но многое осталось по-прежнему актуальным.

Сколько же пришлось настрадаться народам стран Балтии за свою историю? Даже если брать только XX век – это две немецкие оккупации, это фактически две кровопролитные гражданские войны, а теперь еще – полная кредитная и экономическая зависимость от Евросоюза, разрушение созданных в советское время промышленных предприятий под благовидным предлогом «защиты окружающей среды», нищета, эмиграция молодежи на Запад... Вот по прошествии пятнадцати лет и родилось новое название для переработанного издания старой книги – «Прибалтийский фашизм: трагедия народов Прибалтики». Потому что народ – это одно, а его фашиствующие правители, наживающиеся на нищете народа и прославляющие нацистских оккупантов и их пособников, – это совсем другое.

Интерес к проблеме коллаборационизма и к Третьему рейху вообще зародился еще в советские времена. И не только в прибалтийских республиках, но и в России. Курс истории в вузах не затрагивал эту тему. О коллаборационизме, его истории и организациях знали только курсанты Академии КГБ. О преступлениях коллаборационистов – пособников Гитлера в советское время писали с осторожностью. Их национальности старались по возможности не указывать. Как будто среди коллаборационистов не было русских, украинцев, белорусов, уроженцев Кавказа и Средней Азии... Нацисты были мастерами «психологической войны», потому им и удалось стравить между собой все народы Европы и Советского Союза¹. Власти СССР боялись подобными упоминаниями разжечь межнациональную рознь. Зря боялись. Замалчивание негативных страниц истории приводит к ее забвению, и затем – к ее искажению и к намеренной фальсификации в политических целях. А межнациональную рознь все-таки разожгли. Сделали это те, кто стремился расчленивать Советский Союз и разрушить экономику страны, разобщить его народы и в конечном счете поработить их. Те, чей принцип уже несколько веков остается неизменным: «Divide and Rule» – «Разделяй и властвуй». Тем же принципом руководствовался и Гитлер. В результате даже среди русских появился нездоровый интерес не только к истории Третьего рейха, но и к нацистской идеологии. Начали создаваться нацистские группировки и политические партии...

Но не надо путать научный интерес с фанатизмом, с верой в нацистские идеи. Помню возмущенные слова сотрудницы архива в 1997 году в ответ на мой запрос: «Что у вас есть о прибалтийских войсках СС?» «А зачем вам это знать? Тоже их восхвалять собираетесь?» «Нет, – пролепетал я, растерявшись от такого выпада. – Я не собираюсь их хвалить... Но надо же как-то разобраться в этом явлении...» «Вот только не надо мне льстить!», – ответила она громко и с нескрываемой неприязнью в голосе. Явно не поверила. Во все времена были люди, которые считали, что простому народу лучше продолжать спать, оставаться слепым и глухим и не смей интересоваться «запретными» темами.

Почему возник этот интерес к теме коллаборационизма? Почему во всех издательствах мне повторяли одно: «Самая ходовая тема – про Третий рейх»? И издавались эти книги огромными тиражами вплоть до 2010-х годов, хотя качество их было разным – от научных до псевдонаучных. Публиковались и российские, и переводные, причем качество перевода тоже

сильно отличалось – от профессионального, с научной аннотацией и справочным материалом, до совершенно безграмотного на уровне «видеосалона» механического техникума. (Впрочем, пятнадцать лет назад и я сам, еще не зная ни латышского, ни литовского языков, делал множество ошибок в своих публикациях – наукой приходилось заниматься ночами, в свободное от основной работы время.)

Вот из-за этого замалчивания истории многие и заинтересовались темой коллаборационизма. Меня лично история Второй мировой войны интересовала с детства. Моими героями были и русские маршалы Георгий Жуков и Сергей Штеменко, и немец Клаус фон Штауфенберг, и украинский партизан Пётр Вершигора, и латвийский партизанский комбриг Вилис Самсонс, и эстонский генерал Лембит Пэрн... Впрочем, если мемуары маршалов и генералов РККА были раньше в каждой библиотеке, то о прибалтийских партизанах и генералах найти информацию было труднее всего – до Центральной России такие книги доходили с трудом.

Как раз тогда и началась работа над первой книгой о нацистском оккупационном режиме и коллаборационизме в Прибалтике. В 2004 году после долгих обсуждений с редакторами она наконец вышла в московском издательстве «Вече» под названием «Прибалтика между Сталиным и Гитлером» и оказалась первой в России монографией на эту тему. (Второе переработанное и несколько сокращенное издание вышло в 2018 году.) Не давал покоя вопрос: почему одни – эстонцы, латыши, литовцы – воевали против Гитлера в Красной армии или в советских партизанских отрядах, а другие, их соотечественники, оказались в гитлеровских полицейских батальонах или дивизиях войск СС? Добровольно они шли служить нацистским оккупантам или принудительно?

К тому же еще в 1998 году меня, как и многих в России (и, уверен, в странах Балтии тоже), глубоко возмутило известие о возбуждении уголовного дела против латвийского советского партизана Василия Макаровича Кононова в Рижском окружном суде по обвинению в военных преступлениях. Посольство России тогда выразило свой протест², об этом писали журналисты, говорили по радио и ТВ России. Но властям Латвии был очень нужен этот судебный процесс, чтобы обосновать и оправдать свою новую «легионерскую» версию истории. Им было важно создать прецедент – впервые в истории советского партизана, пустившего под откос 16 вражеских эшелонов³, бойца Антигитлеровской коалиции судят за военные преступления! По сути, это был несправедливый суд не только над человеком, но и над историей.

Случайно это совпало со скандалом вокруг бывшего офицера латышской СД Конрада Калейса, участника уничтожения латышского села Аудрины и многих других военных преступлений⁴. Израильские «охотники за нацистами» из «Центра имени Симона Визенталя» (честь им и хвала – с юных лет восхищался Симоном Визенталем и завидовал его работе!) отследили-таки этого палача-миллионера и потребовали справедливого наказания для него.

Но журналистика журналистикой, а у многих людей оставались все те же вопросы: Кто они, легионеры и полицаи? Почему борца с нацизмом Василия Кононова объявляют военным преступником и отдают под суд, а карателя Конрада Калейса – нет? Это противоречит истории Второй мировой войны, да и вообще всякой логике. За рубежом уже вышла куча книг, прославляющих прибалтийских эсэсовцев (а чуть позже началось и прославление русских эсэсовцев). Но в России пока еще мало кто знал, что такое «шутцманшафт», «вспомогательная полиция», «полицейские категории «С», «команда Арайса», «латышская СД» или «войска СС». Да и в самих странах Балтии, скорее всего, тоже. Иначе как стала возможна грандиозная ложь, возведенная некоторыми правителями этих стран в ранг новой государственной идеологии? И почему политики Евросоюза так охотно уверовали в эту «легионерскую идеологию»? По своей безграмотности или из желания угодить прибалтийским правителям и поскорее втянуть их в свою экономическую орбиту? Необходимо же было разоблачить эту ложь, объяснить на научном уровне, почему такой абсурд происходит и что собой представляли прибалтийские пособ-

ники Гитлера. В мае 2001 года, ко дню Победы над нацизмом, вышла моя статья в «Военно-историческом журнале» Генштаба РФ под названием «Кого в Прибалтике провозглашают героями»⁵.

Я никогда не скрывал своего негативного отношения к коллаборационизму и к тем, кто служил Гитлеру. Каждый должен нести ответственность за свои поступки. С другой стороны, были и такие, кто попадал в прибалтийские части войск СС, полиции, вермахта по принуждению, в результате мобилизации. За уклонение грозило жестокое наказание. Тем не менее многие уклонялись от мобилизации, уходили в леса, дезертировали, бежали из немецких эшелонов по пути на фронт, а иногда и поворачивали полученное от немцев оружие против самих же оккупантов. Между добровольными помощниками Гитлера и насильно призванными в гитлеровскую армию, СС и полицию, как и угнанными на принудительные работы в Германию, согласитесь, огромная разница. Это мое мнение, и я всегда подчеркивал это.

В 1941 году перед гражданами стран Балтии стоял очень сложный выбор – на чьей они стороне? Прибалтийские республики вступили в СССР всего за год до начала войны. Многим людям было трудно разобраться в произошедшем. Это событие раскололо народы стран Балтии на сторонников и противников советской власти. Фактически это была «холодная гражданская война». Советской властью было допущено много трагических ошибок. Это не было секретом – о них писали и в советское время, признавали, но все с той же осторожностью, дабы не посеять межнациональную рознь. С приходом немецких войск гражданская война в Прибалтике перешла из «холодной» фазы в «горячую». И, как и в любой гражданской войне, иногда брат шел против брата, сын против отца, ну и т. д. Кто и на чьей стороне оказался, очень часто определялось совершенно случайными обстоятельствами. Кто-то перебежал из прибалтийских дивизий РККА на сторону немцев. И далеко не всегда по идейным убеждениям. Просто в первые дни войны, на передовой, многим казалось, что война уже проиграна и Советскому Союзу осталось жить считанные дни. Кто-то готов был воевать в Красной армии и героически сражался против немцев. Но с одним условием – защищать свою собственную родину, а не далекую и чужую Россию. У многих на оккупированных немцами землях остались семьи. Отступать куда-то в глубь бескрайней России не хотел никто, поэтому некоторые отказывались. А некоторые из прибалтов шли на службу к нацистам и с убеждением, и с юношеским пылом, но быстро разочаровывались, когда приходилось массово расстреливать своих же соотечественников. «Нигде не могу найти спасения, – написал в своей предсмертной записке один из латышских полицейских, участник расстрелов в провинциальном латвийском городке Смилтене. – Ночами во сне все время вижу расстрелянных детишек с руками, сложенными для молитвы...» Эту записку он оставил своему командиру, лейтенанту Зегнерсу, тоже из добровольных помощников-латышей, а сам в ту же ночь застрелился⁶.

Под давлением еврейских организаций, в том числе и «Центра имени Симона Визенталя», прибалтийские политики поняли, что преступления коллаборационистов им все же придется признать. Но и тут не обошлось без оговорок. Дескать, виноваты во всем СД и гестапо, а полицейские из шутцманшафт-батальонов и войска СС – просто солдаты. К тому же со слов прибалтийских политиков теперь складывается впечатление, будто единственной жертвой нацистской оккупации стали евреи. «Невольно возникает вопрос, – пишет видный советский дипломат Юлий Квицинский, – ...ну а если бы Гитлер не уничтожал евреев, а ограничился только истреблением славян и коммунистов, как бы в этом случае к нему отнеслись наши западные союзники и партнеры?»⁷

Всего же за годы оккупации в Литве было уничтожено около 700.000 человек, в том числе свыше 370.000 жителей Литвы, 229.000 советских военнопленных и около 100.000 человек из других республик СССР и оккупированных государств Европы⁸. В их числе не менее 215.000–220.000 евреев. Это примерно 95 % от довоенной численности еврейского населения

в Литве⁹. Только в течение первого периода насильственной мобилизации в Литве на работу в промышленности Рейха было вывезено более 36.000 человек¹⁰; общая же цифра угнанных в Германию на принудительные работы мирных жителей составила, по самым минимальным подсчетам, около 70.000 человек¹¹. (Правда, наиболее пострадавшие от карательных операций районы Вильнюсского округа – Ашмянский, Свиряйский и Эйшишкяйский уезды – до войны принадлежали Белоруссии и после войны были возвращены ей, следовательно, погибшие там люди не входят в это число.)

В Латвии за все годы немецко-фашистской оккупации было уничтожено примерно 644 тыс. человек, в том числе 330.032 советских военнопленных и 313.798 мирных латышских граждан, в том числе от 77 до 85 тыс. евреев (в их числе евреи, которые доставлялись в лагерь уничтожения Саласпилс со всех оккупированных стран Европы)¹². К началу 1942 года только в крупнейших городах Латвии было уничтожено 52–54 тыс. евреев (35 тыс. в Риге, 14–16 тыс. – в Даугавпилсе и более 7 тыс. в Лиепае). Общее же число уничтоженных в Латвии евреев составляет около 77.000 человек, то есть 95 % от довоенной численности всей еврейской общины Латвии¹³. На принудительные работы в Германию угнано 279.615 латышей, из которых большая часть погибла¹⁴.

В Эстонии за время немецко-фашистской оккупации количество жертв среди мирного населения составило до 125.000 человек (включая 64.000 советских военнопленных)¹⁵. Очевидно, в это число входят также около 1000 евреев, уничтоженных в Эстонии к 1942 году¹⁶. Общую же численность евреев, доставленных для уничтожения в Эстонию в лагерь Клоога, Вайвара и другие из разных оккупированных стран, установить трудно.

Итого получается, что нацистами и их местными пособниками только в ходе политических репрессий и контрпартизанских операций было уничтожено около 150 тыс. человек в Литве, 227 тыс. человек в Латвии и около 60 тыс. человек в Эстонии. Эти люди не были ни евреями, ни военнопленными, а являлись местными жителями. За что они пострадали? За участие в советских партизанских отрядах и подпольных антинацистских группах, за укрыительство евреев, коммунистов, красноармейцев и партизан или за помощь им. Даже если вычесть из этих цифр потери среди личного состава прибалтийских дивизий войск СС, полицейских батальонов и прочих коллаборационистских формирований, цифра все равно получится внушительная.

Еще лет десять назад в странах Балтии появилась другая, альтернативная идеология взамен «легионерской», которая не выдерживает никакой критики и полностью дискредитировала себя. Дескать, народы Литвы, Латвии и Эстонии сражались бы на стороне Антигитлеровской коалиции, если бы не пришли эти «плохие русские» и не «оккупировали» их. Такое утверждение ни на чем не основано. Так что все эти «если бы» – это уже «идеологические костыли».

Граждане стран Балтии на самом деле воевали против Гитлера в рядах Красной армии и советских партизанских отрядов. Соппротивление немецким оккупантам со стороны «националистов», таких как, например, «Усмаский батальон» из «группы генерала Курелиса», к сожалению, представляло собой лишь единичные случаи¹⁷.

Таллин освобождал 8-й эстонский корпус Красной армии под командованием генерала Л. А. Пэрна. Бойцы корпуса в числе первых 22 сентября 1944 года ворвались в Таллин и предотвратили разрушения, подготовленные врагом. Особенно ожесточенные бои велись за о. Сааремаа. Впрочем, эстонцы освобождали не только свою родину. Они освобождали и Латвию, причем весной 1945 года, когда только «Курляндская группировка» немцев еще удерживалась на побережье Балтийского моря. Левый фланг 308-й латышской стрелковой дивизии 130-го латышского корпуса РККА прикрывала 7-я Таллинская Краснознаменная стрелковая дивизия 8-го эстонского стрелкового корпуса. «Тут воевали отборные части СС, – вспоминал латыш

Н. Куплайс из 308-й латышской дивизии. – И не только они. Мне лично пришлось столкнуться с власовцами... В какой-то из дней... должно быть, в конце марта... я со своими разведчиками подходил к небольшому хутору. Вдруг смотрим – из хутора через поле от нас убегают двое. По виду – наши, в телогрейках. Только зачем тогда бегут? А когда вошли в сарай, откуда они выбежали, все стало ясно. Там, связанные колючей проволокой, лежали трое наших солдат. Были они облиты мазутом и медленно горели. Как мы ни старались, но спасти их не удалось... Хозяева хутора сказали, что те двое называли себя солдатами генерала Власова... Вот после этого мы и начали штурмовать железнодорожную насыпь, правее станции Блидене. А левыми нашими соседями были солдаты эстонского корпуса»¹⁸.

Именно здесь, в бою за железнодорожную станцию Блидене, Салдусской волости Салдусского края в Курземе, Латвия, героически погиб эстонец, лейтенант Якоб Кундер, повторивший подвиг Александра Матросова. 18 марта 1945 года он подобрался к немецкому ДЗОТу и попытался расстрелять его расчет из пистолета, но при этом был тяжело ранен. Тогда он бросился грудью на пулемет. Когда тот замолчал, подоспели и солдаты его взвода, которые забросали ДЗОТ гранатами и расстреляли из пулемета. Посмертно эстонец Якоб Кундер, принимавший участие в освобождении Латвии от нацистов, был удостоен звания Героя Советского Союза¹⁹.

Арнольд Мери стал первым эстонским Героем Советского Союза (15 августа 1941) во время боев в районе Порхов – Дно, когда 22-й эстонский территориальный стрелковый корпус с боями отступал в Россию²⁰. Всего же в ходе оборонительных боев на территории Эстонии в 1941 году стали Героями Советского Союза 8 человек, а в ходе боев за освобождение республики – еще 30. Еще 45 эстонцев получили «Золотую Звезду» Героя, сражаясь на других фронтах. В последующие годы число награжденных выросло почти в два раза²¹.

Латышские воины Красной армии тоже воевали на разных фронтах Великой Отечественной войны. Например, в ходе весенних боев 1942 года под Старой Руссой и под Демянском особенно отличился латыш-снайпер Янис Вилхелмс, уничтоживший в общей сложности около 150 солдат и офицеров противника. За боевую доблесть он получил первое офицерское звание – младший лейтенант, а войну закончил майором. 21 июля 1942 года он был принят в Кремле лично Сталиным и получил звание Героя Советского Союза, а впоследствии удостоен еще и американского «Креста за боевые заслуги»²².

13 октября после тяжелых боев части 130-го латышского корпуса освободили правобережную часть Риги. В левобережной части Риги сопротивление продолжалось до 15 октября²³. Уже на подступах к Риге местные жители встречали латышских солдат более чем радушно. «Как известно, – вспоминал командир разведвзвода сержант Янис Розе, единственный полный кавалер ордена Славы в 43-й латышской стрелковой дивизии, – мосты через Даугаву немцы взорвали. Пришлось нам идти в обход, через Кекаву. Честно скажу, такого количества цветов, каким нас осыпали рижане, я в жизни не видел. Цветов и улыбок! С песнями, лихо печатаая шаг, с развевающимися знаменами шли мы по улицам Риги, и у каждого было светло и радостно на душе»²⁴. За бои под Ригой 130-й латышский стрелковый корпус был награжден орденом Суворова II степени, 308-я дивизия – орденом Боевого Красного Знамени, а 43-я гвардейская стрелковая дивизия получила почетное наименование «Рижская», 3418 солдат и офицеров были награждены орденами и медалями²⁵. В общей сложности около 20.000 солдат и офицеров 130-го латышского стрелкового корпуса и латышских партизан были награждены орденами и медалями, а 28 из них (в том числе трое партизанских командиров – И. Судмалис (посмертно), О. Ошкалнс и В. Самсонс) стали Героями Советского Союза²⁶.

Воины 16-й литовской дивизии полковника А. И. Урбшаса освободили важный морской порт Клайпеду. При освобождении Вильнюса Красной армией удалось почти сразу выбить врага из Антакальниса и старого города. Поэтому уцелели университет, академия наук, Литов-

ское национальное общество в Антакальнисе, основанное Басанавичюсом. Уцелели все замечательные соборы Вильнюса – Св. Анны, Св. Петра и Павла, Св. Иоанна, Кафедральный, Бернардинский, здание старой ратуши.

В 16-й литовской стрелковой дивизии было 12 Героев Советского Союза, причем разных национальностей: литовцы – лейтенант В. В. Бернотенас, старший сержант Б. Д. Гегжанас, младший сержант С. К. Шейнаускас, красноармеец В. А. Яценевич, еврей – майор В. Л. Виленскис, сержант К. М. Шурас, ефрейтор Г. С. Ушполис, красноармеец Б. И. Цинделис, русские – подполковник Ф. К. Лысенко, старший сержант В. Н. Федотов, сержант Г. Г. Терентьев, младший сержант Ф. П. Зацепилов, и 4 полных кавалера ордена Славы – сержант Дануте Юргисовна Станиелене, старшие сержанты С. Н. Осипов и М. Курбанов и старшина А. Д. Шишкин²⁷.

Так, например, 13 октября 1944 года во время боев за освобождение Литвы отважно сражались младший сержант артиллерии литовец Стасис Шейнаускас и рядовой артиллерист литовский еврей Борис (Берелис) Цинделис. Оба служили наводчиками в 224-м артполку 16-й литовской стрелковой дивизии. У города Пагегяй Шилутского района Литвы немецким танкам удалось прорвать нашу оборону, но Шейнаускас продолжал вести огонь и подбил два вражеских танка. Третий танк Шейнаускас уничтожил, уже будучи тяжело раненным осколками от разорвавшегося рядом снаряда. Следующее ранение оказалось смертельным. Посмертно Шейнаускас был удостоен звания «Герой Советского Союза» и награжден орденом Ленина²⁸. Тем временем Цинделис на своей артиллерийской позиции подбил немецкое штурмовое орудие «фердинанд» и тоже был смертельно ранен. Истекая кровью, он все же смог поджечь еще и движущийся на него немецкий танк «тигр». Он также стал Героем Советского Союза (посмертно)²⁹.

Нельзя не вспомнить и о подвиге связиста 156-го полка 16-й литовской стрелковой дивизии Виктора Яценевича. Когда 5 июля 1943 года у деревни Семидворики в Орловской области противнику удалось прорвать линию обороны, 19-летний связист успел сообщить на КП полка о прорыве, а потом вступил в бой и открыл огонь по врагу. Командование вермахта как раз начало операцию «Цитадель». На войне связист – всегда ценная находка для противника. Когда деревня была освобождена советскими войсками, в блиндаже НП был обнаружен труп Яценевича. Немцы зверски замучили литовского солдата. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 года Яценевичу Виктору Антоновичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В представлении к званию «Герой Советского Союза» говорилось: «После того, как нашими войсками немецкие войска были выбиты из деревни Семидворики, нашими бойцами было найдено изуродованное тело ЯЦЕНЕВИЧА, повешенное на телефонном проводе в блиндаже за балку. Как было установлено, немецкие изверги подвергли ЯЦЕНЕВИЧА зверским пыткам: кололи ему руки, ноги, тело, оторвали руку (левую) и всю кисть правой руки искололи. Разрезали живот, вырезали половые органы и отрубили ноги. Все эти зверства гитлеровские бандиты проводили на костре. Т. ЯЦЕНЕВИЧ, несмотря на пытки, остался верным воинской присяге и выполнил свой долг перед Родиной, гитлеровские бандиты не добились никаких сведений»³⁰.

Всех героев Эстонии, Латвии, Литвы, сражавшихся против гитлеровских оккупантов, невозможно упомянуть в одном предисловии. Их подвиг заслуживает отдельной книги.

Эти люди, освобождавшие свою землю от нацистской оккупации, были истинными героями и патриотами своих стран. Именно их надо помнить, а не коллаборационистов, служивших Гитлеру. У предателей нет родины.

Латыши К. Калейс и К. Озолс, литовцы К. Гимжаускас и А. Лилейкис (последний не только служил в «литовской СД», но и был агентом ЦРУ в годы «холодной войны»³¹), эстонец Х. Мяннил – не понесли никакого наказания.

Зато прибалтийские власти и всевозможные неонацисты с молчаливого одобрения Евросоюза принялись преследовать многих героев – патриотов стран Балтии. Командиру латышской партизанской бригады Герою Советского Союза Вилису Самсонсу угрожали еще с 1990 года. «Подошел молодой неонацист с выпученными глазами, – рассказывал он сам журналисту, – и как понес на меня: «Бандит, сволочь, оккупант, в тюрьму тебя!» Я говорю: «Чего ты меня пугаешь? За мою голову сам Гиммлер 10 тысяч рейхсмарок обещал, а за твою никто и латика не даст». В 1999 году в редакцию рижской русскоязычной газеты «Час» пришло письмо от подпольной неонацистской организации «Перконкруст» без подписи и обратного адреса. Авторы письма заявляли, что ими проведено «судебное заседание» в отношении ряда неудобных им личностей, включая и Вилиса Самсонса, и они вынесли им смертные приговоры – «высшую меру наказания через повешение в общественных местах». Тогда в тюрьмы были брошены многие советские ветераны, которых обвиняли в «геноциде» и в «преступлениях перед латышским народом»³². Но тронуть Самсонса все-таки никто не решился, хотя угрожали много раз.

Первый эстонский Герой Советского Союза Арнольд Мери тоже подвергся преследованию у себя на родине. В августе 2007 года прокуратура Эстонии возбудила против него уголовное дело по обвинению в организации депортации жителей о-ва Хийумаа в марте 1949 года³³. Сам ветеран полностью отверг это обвинение. Эстонские судьи попытались представить это как геноцид, но даже европейское общественное мнение отвергло такое определение³⁴.

Фанатизм прибалтийских неонацистов (особенно стоящих у власти) доходил даже до того, что преследовали киноактеров, когда-то игравших гитлеровцев в советских кинофильмах. Например, литовского актера Альгимантаса Масюлиса или не менее известного Донатаса Баниониса. За что? Банионис сыграл раскаявшегося литовского боевика. Масюлис сыграл множество ролей нацистов и, по мнению некоторых в современной Литве, изображал их слишком несимпатичными, жестокими³⁵. А нацистов в среде «элиты» стран Балтии стало принято изображать «культурными интеллигентами», почти святыми.

Власти стран Балтии, как и Европейский суд по правам человека в Страсбурге, с упорством, достойным лучшего применения, преследовали советского партизана Василия Кононова. 25 июля 2009 года ЕСПЧ признал его невиновным, несмотря на приговор, несправедливо вынесенный ему ранее латвийским судом³⁶. Но 17 мая 2010 года Большая палата ЕСПЧ по ходатайству властей Латвии отменила это решение³⁷. Василия Кононова не стало 31 марта 2011 года. Несомненно, все эти несправедливые преследования – сначала на родине, которую он защищал от гитлеровцев, а затем в Страсбургском суде – и добились советского партизана.

Фактически Европейский суд по правам человека превратился в инструмент политических репрессий в мировом масштабе. Как, впрочем, и некоторые международно-правовые органы.

За вступление в Евросоюз и в НАТО странам Балтии пришлось заплатить и валютой, и человеческими жизнями. В XXI веке гражданам Литвы, Латвии, Эстонии пришлось сражаться за интересы американских нефтяных компаний на Ближнем и Среднем Востоке. Людские и финансовые потери Литвы, Латвии, Эстонии в войнах Соединенных Штатов в Афганистане и Ираке относительно невелики – для правителей этих стран. Но кому-то на родине эти солдаты, убитые или раненные в Ираке и Афганистане, были нужны, дороги и незаменимы. А что касается финансового вклада стран Балтии в интересы американских и европейских корпораций в их войнах – это уже не существенно, когда все три прибалтийских республики находятся в безвыходном кредитном рабстве у международных организаций и банков. Общие потери стран Балтии (убитыми и ранеными) за время войны в Афганистане, по данным «Международных сил содействия безопасности в Афганистане» (ISAF), на 1 июня 2014 года: Латвия – 31 чел.³⁸, Литва – 83 чел., Эстония – 20 чел.³⁹ За все время войны в Ираке потери составили: Латвия

– 3 убитых⁴⁰, 5 раненых; Литва – как минимум один тяжело раненный⁴¹; Эстония – 2 убитых и не менее 18 раненых⁴².

Военные планы НАТО по расчленению России – разумеется, руками своих «восточноевропейских союзников» – обсуждались давно. Например, 23–24 мая 2019 года в Польше прошла международная научная конференция под названием «Евроатлантическая безопасность и политика Российской Федерации. Угрозы безопасности Центральной и Восточной Европы». Конференция проводилась, кстати, под эгидой «Балтийского колледжа обороны». Приведу фрагмент из преамбулы к этой конференции:

«Аннексия Крыма Российской Федерацией в 2014 году, дестабилизация восточной Украины и милитаризация Калининградской области представляют собой беспрецедентные в сфере безопасности вызовы для Европы, и особенно для Восточной и Центральной Европы. [...] По мнению экспертов, наиболее опасными для Восточной и Центральной Европы являются вызовы, исходящие от имперской политики России, которая нацелена на пересмотр международного порядка после окончания Холодной войны и перестройку её сфер влияния. Чтобы усилить стратегическое превосходство путем гибридной войны, которая неотъемлемо включает в себя войну в киберпространстве, она вызывает политические и военные диспропорции для Североатлантического альянса и отдельных его членов. Политика Владимира Путина имеет целью не только подвергнуть сомнению европейские принципы права и господства бывших республик Советского Союза, но и, прежде всего, дестабилизировать демократию в Соединенных Штатах и Европе путем воздействия в информационной сфере. С 2008 года Москва проводила широкомасштабную модернизацию своих вооруженных сил, а также ядерного вооружения, подбирала возможности для агрессивных действий, задействовала вооруженные силы за пределами своих границ и пыталась тем самым создать военные базы в Европе и за её пределами. Со времени агрессии России в Керченском проливе, возникли и новые угрозы вторжения в Украину, Польшу и Балтийские государства, а также возможной Третьей мировой войны. В Европе НАТО занято поиском эффективных мер по противостоянию ограниченной войне, которую ведет Российская Федерация»⁴³.

Думаю, такая преамбула вполне ясно показывает, каковы цели ведущихся в Евросоюзе и НАТО историко-политических исследований. Выводы готовы, осталось подогнать под них сами исследования, что и делается постоянно. Все это означало подготовку к «психологической войне» против России, к борьбе за «человеческое пространство» (human terrain)⁴⁴, а проще говоря – к завоеванию умов и симпатий жителей стран Восточной Европы, Украины, стран Балтии⁴⁵. Что такое «завоевание человеческого пространства»? Это то, что обещал Гитлеру д-р Мяз в 1941 году. И этим же, но с меньшим успехом, занимались генералы Данкерс в Латвии и Кубилиюнас в Литве. Так что агрессивные планы НАТО против России не являлись большим секретом. Восточноевропейские политики с подачи натовских генералов готовились преподнести своим подданным версию о российской угрозе, чтобы те были готовы к переходу от «холодной войны» против России к войне «горячей» и при этом винили во всем Россию. Для которой, видимо, с точки зрения НАТО, даже модернизировать свои вооруженные силы – уже преступление. Как будто страны НАТО никогда не модернизируют свои вооружения для своих непрекращающихся войн по всему миру...

Адольф Гитлер в свое время говорил в своем ближайшем кругу: «Русскому Горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из Тульского генерального комиссариата»⁴⁶.

А вот что говорил один публицист из журнала «Ридерс Дайджест», выходившего в том числе и в России на русском языке: «Я думаю, большая и неразрешимая проблема в том, что наша территория слишком огромна». «Что общего у народов Крайнего Севера и Кавказа? – продолжает он далее. – У тунгуса и друга степей калмыка? А все эти межнациональные распри,

ставшие обыденностью в больших городах? А война в Чечне, как война с иностранным государством, а ведь там одни граждане России стреляют в других?»⁴⁷ Поясим: журнал «Ридерс Дайджест» хотя и выходит ныне на русском языке, но основан был в США. В годы советской войны в Афганистане в 1980-е годы этот журнал наряду с телеканалом NBC-TV и журналом «New Republic» входил в «медиа-салон», созданный банкиром с Уолл-стрит Джоном Трэйном, главой «Комитета помощи Афганистану» (Afghanistan Relief Committee, ARC) и так называемой «Лиги против клеветы» (Anti-Defamation League, ADL). Целью «медиа-салона» было ведение «психологической войны» против Советского Союза, а также борьба с инакомыслием внутри Соединенных Штатов⁴⁸.

Добавим еще несколько штрихов о том, как именно НАТО вело борьбу за «человеческое пространство» в наши дни, готовясь натравить Украину на Донецкую и Луганскую народные республики и на Россию. По роду своей деятельности я работаю преимущественно с зарубежными веб-сайтами. Там новости об «агрессивных замыслах России» на всех европейских языках постоянно бросались в глаза. А новости об угрозах НАТО и украинских властей, подготовке и попытках вторжения в Луганскую и Донецкую народные республики если и приводились где-то в зарубежных СМИ на иностранных языках со ссылкой на ИТАР/ТАСС, то в глаза не бросались. Речи нет, Би-би-си или Си-эн-эн и не стали бы перепечатывать невыгодные для них темы. В русскоязычных новостях от компании Mail.ru, чей центральный офис до конца прошлого года располагался на Виргинских о-вах, еще за полгода до событий 2022 года тоже непрерывно повторялись кричащие заголовки из западных СМИ о «подготовке Россией вторжения на Украину». Идеологическая направленность изменилась только после смены владельцев компании.

Полгода такой психологической обработки – и многие обыватели США, Европы и Украины уверовали в некие «экспансионистские» замыслы России. Поэтому когда российские войска пришли на помощь независимым Донецкой и Луганской народным республикам, чтобы отразить агрессию вооруженных сил Украины (а по сути – агрессию НАТО), общественное мнение вышеназванных обывателей уже было готово считать «агрессором» Россию. Насколько известно, такая же психологическая обработка населения ведется и в других странах Восточной Европы и Балтии.

Нападение вооруженных сил Украины на Донецкую и Луганскую народные республики, давно уже объявивших о своем отделении, было «войной по доверенности» (англ.: proxy war). Правящим кругам и олигархам из США и Евросоюза очень хочется завладеть этими двумя областями со всеми их промышленными предприятиями и природными ресурсами. А киевское правительство послушно послало своих солдат сражаться за интересы денежных мешков с Запада, генералов НАТО и своих собственных политиков, мечтающих о вступлении в Евросоюз. Фактически нападение на ДНР и ЛНР стало агрессией НАТО против России.

Вот и напрашивается вопрос: кого из своих восточноевропейских «союзников» НАТО бросит на убой завтра ради своих экономических и политических интересов? Не секрет, что правящие круги США и ЕС еще как минимум в далеком 2006 году задумывались об агрессии против Калининградской области Российской Федерации. Кто станет новым «пушечным мясом» для натовских генералов, политиков и олигархов из Соединенных Штатов и Евросоюза, которые тщетно пытаются расчленить Россию, а может быть, и другие страны СНГ – все, что осталось от Советского Союза? Мне лично не хочется даже думать о том, что героические народы стран Балтии, много выстрадавшие вместе с русским народом в годы борьбы и с царизмом, и с иностранными интервентами, и с фашизмом, могут быть вовлечены своими продажными правителями – обладателями американских паспортов – в новую войну ради интересов западных олигархов...

М. Ю. Крысин, 1 мая 2022 г.

Глава 1

Прибалтика между двумя мировыми войнами

Установление советской власти в Литве, Латвии и Эстонии

Первая советская «оккупация» Прибалтики в 1940 году началась с установления стипендий малоимущим студентам и учащимся старших классов и отмены платы за обучение. До этого, например, в Эстонии не училось более 40 процентов детей⁴⁹, а в еще менее развитой Литве было более 300 тысяч неграмотных, то есть 23,3 %, не считая тех, кто едва умел кое-как нацарапать свою фамилию⁵⁰.

В Литве до советской власти правительство не заботилось об образовании – считалось, что интеллигенции и так слишком много. Чем больше образованных людей – тем больше потенциальных бунтовщиков, поэтому образование было исключительно платным, по принципу: кому есть чем платить – тому есть что терять. В 1939 году в Литве существовало всего 3 частные средние школы для взрослых с 333 учащимися, а при советской власти было создано 12 средних школ для взрослых с 3.653 учащимися. Кроме того, уже в первом полугодии 1940 года было создано еще 136 начальных школ, в которых училось около 20 тысяч человек. Образование стало общедоступным.

В январе 1941 года в Литве впервые в истории была создана Академия наук Литовской ССР, о чем раньше ученые Литвы могли только мечтать. В течение одного года советской власти в Литве было открыто 133 новые библиотеки, 76 детских садов, 7 театров и множество других культурных учреждений⁵¹.

Число промышленных предприятий в течение 1940–1941 гг. увеличилось в 2,1 раза, 55.800 безработных были обеспечены работой⁵².

На основании декларации Народного сейма осенью 1940 года в Литве была проведена земельная реформа (прежняя власть все собиралась провести нечто подобное уже около 20 лет). Земельные владения церкви были конфискованы, а хозяйства помещиков и кулаков – урезаны до 30 гектаров⁵³. Это, кстати, было не так уж и мало. Площадь более 30 га было невозможно обрабатывать без наемного труда. Видимо, именно поэтому советская власть остановилась именно на этой цифре. До 1940 года, вследствие двух реформ, 1922 и 1929 гг., помещикам было разрешено владеть угодьями до 150 гектаров. Таких было менее 10 %, но они владели примерно одной третьей всей земли, в то время как более 66 % крестьян имели наделы от 5 до 30 га, 25 % крестьян – менее 5 га, которые не позволяли прокормить семью, а некоторые и вообще не имели своей земли и были вынуждены работать батраками (они составляли около 25 % населения)⁵⁴.

В государственный фонд было изъято 607.700 гектаров земли⁵⁵. В результате 75.623 крестьянина, раньше не имевших своей земли, получили от государства около 400 тысяч гектаров. Новоселам выделяли по 20 миллионов литов для постройки жилья и обзаведения скотом, не считая лесоматериалов и прочего. Около 20 тысяч мелких крестьянских хозяйств получили в собственность коров. И это не говоря уже о том, что советская власть освободила их от целого ряда налогов и ранее наложенных штрафов.

«Трактор был редкостью в буржуазной Литве, – вспоминал первый председатель Верховного Совета Литвы Юстас Палецкис. – Всего около 500 тракторов имелось лишь в некоторых крупных хозяйствах. Теперь же для механизации сельского хозяйства крестьянству были организованы 42 машинно-тракторные станции, которые из братских республик получили пер-

вые тысячи тракторов, и 262 машинно-конных прокатных пункта. Впервые создавались курсы трактористов, этой новой для Литвы профессии»⁵⁶.

Американская писательница Анна Луиза Стронг, побывавшая в Литве в июне 1940 года, рассказывает в своей книге «Новый путь Литвы» о своем разговоре с одной крестьянкой, которая везла клубнику на продажу в Каунас:

«Богачи нас пугали Красной армией, – сказала та. – Они говорили, что Красная армия отнимет у нас землю и продукты. Но она не берет у нас продукты даже тогда, когда мы сами ей предлагаем. У нее, наверное, много своих, может быть, больше, чем у нас»⁵⁷.

Кто пострадал от земельной реформы в Литве? Прежде всего старые помещики – граф Тышкевич, граф Нарышкин, граф Пшездецкий, князь Радзивилл, князь Васильчиков (последний давно уже жил в Германии и только получал дивиденды со своего имения в Литве), а также новые – семейства президента Литвы Антанаса Сметоны, Карвялиса, Норкайтиса, Тубялиса, Гудавичюса, Плехавичюса (того самого, который в 1944 году при немцах стал командиром «Литовского территориального корпуса»). Имение Плехавичюса в Букончяе было, как и другие, разделено среди батраков и малоземельных крестьян. В их числе был и крестьянин Бута, четырех родственников которого Плехавичюс потом расстрелял в отместку⁵⁸.

Одним из немногих крупных землевладельцев, кто остался в стране, был граф Зубов, чьи предки получили имение в Литве еще при Екатерине II. «Он один из немногих прогрессивных людей среди дворянства, – рассказал американке Анне Стронг министр сельского хозяйства советской Литвы Мицкис. – Даже во время революции 1905 года он был на стороне крестьянства. Он теперь потеряет свою землю, но он способный земледелец и может работать как агроном. Никто ему зла не желает»⁵⁹.

Наконец, следует добавить еще один факт: по условиям советско-литовского договора от 10 октября 1939 года Литва получила назад Вильнюс. Благодаря советско-германскому договору от 28 сентября 1939 года сбылась давняя мечта литовцев вернуть себе свою столицу и весь Вильнюсский край, оккупированный Польшей. В честь этого события в Вильнюсе прошли торжества и парад частей литовской армии.

* * *

В Латвии была проведена национализация промышленности, открыты ранее бездействовавшие предприятия, объявленные банкротами при прежней власти, полностью ликвидирована безработица. В результате уже к концу 1940 года валовой выпуск промышленной продукции вырос по сравнению с прошлым 1939 годом на 21 %.

Здесь также была проведена аграрная реформа, в результате которой были аннулированы старые долги крестьян на сумму свыше 350 млн рублей (в переводе на советскую валюту), 52 тысячи безземельных крестьян получили в бессрочную аренду от государства 525.000 гектаров земли, а еще 23 тысячи малоземельных крестьян – прирезку в 75.000 гектаров. 25.000 гектаров земли, экспроприированной у помещиков, было отведено под создание совхозов. С целью повышения эффективности сельского хозяйства в республике к началу 1941 года было создано 50 МТС и 502 машинно-конных прокатных пункта⁶⁰.

* * *

В Эстонии, несмотря на более высокий уровень модернизации, ситуация в хозяйстве была не намного лучше, чем в Литве или в Латвии. «Советизация» Эстонии началась с введения всеобщего бесплатного образования и введения стипендий студентам вузов и техникумов.

Количество учащихся только в средних школах возросло с 13,5 тыс. (в 1939–1940 учебном году) до 18,1 тыс. человек в 1940–1941 учебном году⁶¹.

«Я родился в 1924 году и хорошо помню, что из себя представляла Эстония тех лет, – рассказывал Уно Лахт, известный в СССР поэт-сатирик, а впоследствии член правления эстонского «Союза против неонацизма и межнациональной розни». – Мало кто из официальных историков говорит, что не было ни бесплатного среднего, ни высшего образования, число батраков и бедных в фактически рабском услужении достигало больше половины населения, процветал туберкулез и другие болезни из-за платной медицины. Эстонцы бежали из Эстонии куда глаза глядят. Всего этого вы не прочтете в современных учебниках по истории»⁶².

Другим приоритетным направлением была земельная реформа. Около 53 тысяч безземельных и малоземельных крестьян получили свыше 340 тысяч гектаров земли, в результате чего было создано более 26 тысяч новых крестьянских хозяйств. Свыше 24 тысяч малоземельных крестьянских хозяйств получили прирезки земли – еще около 210 тысяч гектаров. Многим были выделены долгосрочные кредиты на хозяйственное строительство, покупку инвентаря и скота. В течение первого года «советской оккупации» эстонское крестьянство получило от правительства СССР помощь в размере примерно 230 млн рублей⁶³.

Большинство крупных промышленных предприятий Эстонии за годы диктатуры Пятса были либо разорены, либо работали в неполную мощность. Советская власть начала восстановление промышленности. Было создано много новых отраслей промышленности, а старые предприятия значительно расширились. В течение года на восстановление и расширение фабрик, организацию МТС, строительство школ, домов культуры и т. д. советским правительством было выделено Эстонской ССР 184 млн рублей⁶⁴.

За первый же год «советской оккупации» выпуск промышленной продукции вырос на 63 %, число промышленных рабочих возросло на 38 тысяч человек, так что в некоторых отраслях даже ощущался недостаток рабочей силы. Была ликвидирована безработица, квартплата снизилась, зарплаты увеличились примерно на 40–45 %, а позже были подняты на уровень, существовавший в других республиках СССР. Женщины в плане оплаты труда были уравнены в правах с мужчинами. Расходы на здравоохранение выросли на 436 %, на социально-культурные мероприятия – на 560 %. Впервые жители Эстонии узнали, что такое государственные пенсии и бесплатная медицина⁶⁵.

Подготовка националистов к германскому вторжению в Литве

Первые подпольные антисоветские организации в Литве начали создаваться еще летом 1940 г., сразу после установления советской власти. В их числе так называемый «Шаулистский батальон смерти» и «Комитет спасения Литвы», созданные при помощи германской разведки из бывших членов полувоенной молодежной организации «Яунои Лиетува» («Молодая Литва»), хотя ряд руководящих деятелей этих организаций и был арестован органами НКВД в 1940–1941 гг.⁶⁶

Деятельностью многих из этих группировок руководил «Фронт литовских активистов» (ФЛА). Он был организован в Берлине 17 ноября 1940 года при поддержке германских спецслужб. Во главе ФЛА стал бывший посол Литвы в Берлине полковник Казис Шкирпа. Кроме него, в состав руководства ФЛА вошли представители довоенной партии ляудининков (инженер Э. Галванаускас, адвокат Р. Скипитис, представители духовенства Карвялис, А. Мацейна, ксёндз Ила), партии таутининков (бывший заместитель министра финансов Данта, адвокат Дирмейкис, журналист Валуокенас, майор Й. Пирагюс, майор С. Пуоджюс, инженер К. Брунюс) и др. «Фронт литовских активистов» объявил о создании «правительства Литвы в эмиграции» во главе со Шкирпой еще до начала войны. Немецкие официальные лица оказывали ему поддержку, однако формально не признавали его, не желая связывать себя какими-то обещаниями, особенно относительно независимости. Но контакты ФЛА с националистическим подпольем в Литве были использованы абвером для заброски агентуры и создания там своей «пятой колонны» накануне войны⁶⁷.

Накануне войны НКГБ Литовской ССР располагал обширной и достоверной информацией о тесных связях литовских националистов с командованием вермахта и со спецслужбами фашистской Германии. В частности, органами госбезопасности Литовской ССР была перехвачена листовка литовского информационного бюро в Берлине от 19 марта 1941 года, которая призывала население Литвы к подготовке вооруженного восстания против советской власти, приуроченного к моменту нападения Германии на СССР.

«Час освобождения Литвы уже близок, – говорилось в этой листовке. – Когда начнется поход с Запада, Вы в этот же момент будете информированы... В это время в городах, местечках и деревнях поработенной Литвы должны возникнуть местные восстания, точнее говоря, взятие власти в свои руки. Сразу надо арестовать местных коммунистов и других предателей Литвы, чтобы они не избежали расплаты за свои действия (предатели будут только тогда помилованы, когда они сумеют доказать, что они ликвидировали хотя бы по одному еврею) ... Там, где вы еще не подготовлены, организуйтесь маленькими тайными группами. Когда начнутся военные действия, в тылу будут выброшены парашютисты. Немедленно установите с ними связь и помогайте им... Через деревни и города будет маршировать немецкая армия. В ее рядах будет много знакомых вам соплеменников. Встречайте всех одинаково мило и сердечно, оказывайте им нужную помощь... Уже сейчас «информируйте» евреев, что их судьба ясна, поэтому пусть сегодня же убираются из Литвы. В решительный момент берите их имущество в свои руки, чтобы ничего не пропало»⁶⁸.

Созданием вооруженных отрядов руководил «Фронт литовских активистов» (ФЛА), о чем также стало известно советским органам госбезопасности. Еще 19 марта 1941 года Каунасский подпольный комитет ФЛА опубликовал призыв ко всем вооруженным группировкам ФЛА – таким как «Гвардия защиты Литвы», «Отряд освобождения Литвы», «Батальон смерти» и другим, в котором говорилось: «После начала похода с запада вы в ту же минуту будете проинформированы по радио или другим способом. В тот момент в селах, городах поработенной

Литвы должны произойти восстания, или, говоря по правде, захват власти в свои руки»⁶⁹. Уже один этот призыв свидетельствует о том, что ФЛА был тесно связан с германскими спецслужбами и заранее знал о предстоящей войне, ожидая лишь сигнала к действию.

А 30 марта 1941 года по указанию ФЛА были созданы подпольные вооруженные отряды «Охраны национального труда» (ОНТ) (лит.: *Tutinio darbo apsauga, TDA*), ставшие после начала войны основой для литовских отрядов «самообороны» в Каунасе⁷⁰. Их костяк составили бывшие военные, полицейские, члены довоенной литовской национальной гвардии «Шаулю Саюнга», а также молодежных организаций «Яунои Лиетува», «Саванорю Саюнга», «Нео Литуания» и др.⁷¹

К лету 1941 года многие организации националистов, в частности почти весь Вильнюсский комитет ФЛА, были ликвидированы советскими органами госбезопасности весной 1941 года⁷². Всего до мая 1941 года органами НКВД было обезврежено на территории Литвы 75 агентурных групп абвера и СД⁷³. Но ввиду ожидаемого германского вторжения довести расследование до конца не удалось. Вместо этого 14 июня 1941 года была проведена серия арестов потенциальных врагов советской власти.

«Пятая колонна» абвера в Латвии

В 1940–1941 гг. в Латвии германские спецслужбы – абвер и СД – вели активную вербовку агентуры. Советским органам госбезопасности удалось ликвидировать некоторые из них до начала войны.

Так, в марте 1941 года сотрудник комиссии по репатриации в Германию прибалтийских немцев Н. Красовский создал в Риге крупную шпионскую резидентуру, которую возглавил техник рижского завода ВЭФ Ю. В. Цеплевич. Она существовала автономно. Разведцентр рекомендовал Цеплевичу ни с какими местными националистическими группами не связываться. В задачи резидентуры входил сбор информации о частях РККА в Латвии, их боевой технике, перемещениях и т. п. С этой целью Цеплевич должен был завербовать агентов в морских портах Вентспилс и Лиепая. Для передачи сведений ему доставили две радиостанции и шифры. Радиостом резидентуры был назначен агент Я. Гулбис, заведующий складом Латвийского радиокомитета. Радиоаппаратуру доставил через Рижский порт моряк германского торгового флота и агент абвера Вайсс, который завербовал Я. Гулбиса. В Лиепеае был создан филиал резидентуры, который возглавил техник завода «Красный металлург» В. Скудра. Ему также была передана радиостанция⁷⁴.

Особой активностью отличалась резидентура СД под руководством бывшего ассистента химического факультета Латвийского университета Петериса-Феликса Рикардса, завербованного в январе 1941 года. (В июле 1941 года Рикардс стал одним из организаторов уничтожения коммунистов и евреев в Латвии и начальником «Латышской картотеки СД».) Под его руководством работали 18 агентов, в том числе несколько офицеров 24-го латышского территориального стрелкового корпуса РККА. Усилиями резидентуры Рикардса была создана диверсионная группа, намечены места возможной высадки немецких парашютных десантов в Рижском, Валмиерском и других уездах, созданы вооружённые отряды в Рижском, Цесисском, Елгавском, Валмиерском и Талсинском уездах. В первые дни войны они помогли немцам захватить местные учреждения власти, активно участвовали в арестах и массовых казнях советских активистов и евреев⁷⁵. Рикардс в июле 1941 года был одним из руководителей еврейских погромов в Риге⁷⁶.

При поддержке германских спецслужб в Латвии в 1940–1941 гг. было организовано несколько националистических группировок, которые занимались сбором развединформации и одновременно готовились поднять восстание против советской власти после начала германского вторжения. Во втором квартале 1941 года немецкая разведка начала массовую заброску в республики Прибалтики диверсионно-разведывательных групп и агентов-одиночек. Им были поставлены задачи: создавать склады оружия, базы и площадки для приёма парашютных десантов; устанавливать ориентиры для бомбовых ударов по военным и промышленным объектам; вербовать сигнальщиков для целеуказания авиации; организовывать антисоветские выступления; совершать взрывы и поджоги, маскируя причины их возникновения⁷⁷.

В марте 1941 года органы госбезопасности Латвийской ССР вскрыли и ликвидировали резидентуру немецкой разведки и связанную с ней антисоветскую националистическую организацию «Тевияс Саргс» («Стражи отечества»), ставившую своей задачей «объединение всех националистически настроенных сил и подготовку вооружённого восстания»⁷⁸. Группировка «Тевияс Саргс» («Стражи отечества») была создана еще осенью 1940 года по инициативе студента Латвийского государственного университета, сына крупного домовладельца Клавиньша по кличке «Ванагс» («Ястреб»). Руководство организации состояло из трех отделов. Военный отдел во главе с лейтенантом Сала, служившим в «Латышском территориальном корпусе» Красной армии, занимался сбором разведданных об РККА для немецких спецслужб и под-

готовкой вооруженного восстания (по их же заданию), сбором оружия и созданием подпольных повстанческих групп. Отдел агитации во главе с Залитисом, сотрудником Латвийского телеграфного агентства, нелегально издавал и распространял антисоветскую газету «Зинь-тайс» («Вестник») (вышло 6 номеров этой газеты), а также выпустил брошюру с речами гитлеровских идеологов о послевоенном устройстве мира. Наконец, отдел внешних сношений во главе со старшим лейтенантом довоенной латвийской армии Витиньшем поддерживал связь с гитлеровской разведкой и ее филиалом в Риге, замаскированным под «крышей» УТАГ (Организации по ликвидации имущества немецких репатриантов)⁷⁹. Группировка «Тевияс Саргс» объединила подпольные ячейки более чем в 16 населенных пунктах Латвии (в том числе в Абренском / Пыталовском уезде, впоследствии отошедшем к Псковской области). Основной целью «Стражей отечества» была подготовка к свержению советской власти. Для этого в ряде городов были созданы повстанческие отряды⁸⁰.

Немецкий резидент в Латвии Ханс Шинке, бывший владелец фирмы в Риге, представитель немецких машиностроительных трестов, направлявший деятельность этой группировки, так писал о ней в одном из донесений в свой разведцентр: «Эта организация имеет кроме военного и политическое руководство, насколько это возможно. Организация имеет отделения по всей стране, и ее члены комплектуются из офицеров и бывших айзсаргов. Образ мыслей этих людей – примерно латвийский национал-социализм... Это течение всецело отдает себя в руки Германии»⁸¹. Шинке проинформировал руководство «Тевияс Саргс» о том, что Германия планирует нападение на СССР, и именно в это время группировка должна была начать вооруженное восстание.

В мае 1941 года в Латвии, при активном участии немцев, была создана антисоветская организация «Латвияс Саргс» («Стражи Латвии»), включавшая в себя латышских националистов, «кулацкие и белогвардейские элементы». В 1940–1941 гг. боевики «Латвияс Саргс» устраивали террористические акты против советского актива, поджоги, налеты на кооперативы и сельсоветы, убивали руководителей и сочувствующих советской власти, учителей, комсомольцев и членов ВКП(б), похищали имущество, угоняли скот, проводили диверсии, выпускали листовки с призывами к борьбе с советским строем, распространяли «анонимные письма террористически-повстанческого содержания»⁸².

Другая группировка латышских националистов – «Военная организация освобождения Латвии» («Кола»), которую возглавляли Гульбис, Мелупс и Ильин, была создана примерно в то же время, что и «Тевияс Саргс», и также сотрудничала с германской разведкой. В подчинении Рижского центра «Колы» находилось несколько бригад в Даугавпилсе, Тукумсе, Добеле, Елгаве и Салдусе.

«Латышский национальный легион» (ЛНЛ) – группировка, возглавлявшаяся Таманисом, имела в своем подчинении 15 подпольных повстанческих групп по 9–10 человек в разных городах и уездах. Они были сформированы в основном из бывших офицеров и чиновников полиции, айзсаргов, яунсаргов (членов молодежного крыла организации «Айзсарги») и членов местной фашистской партии «Перконкруст» («Громовой крест»), созданной еще в начале 1930-х гг. и прославившейся еврейскими погромами в Риге и других городах Латвии⁸³.

Группировка «Латвийское народное объединение» (ЛНО) во главе с бывшим секретарем министра общественных дел Латвии Цеймурсом была создана в августе 1940 года и действовала в основном в Риге. Она поддерживала постоянную связь с немецким резидентом Кронбергом, бывшим сотрудником министерства просвещения Латвии при Ульманисе, позднее перебравшимся в Германию⁸⁴.

Антисоветское сопротивление в Эстонии накануне войны

В Эстонии к лету 1941 года заявили о себе несколько националистических вооруженных группировок. Среди них были как мелкие отряды – к примеру, «рота Талпака» или «батальон Хирвелаана» (называвшиеся по именам своих командиров – бывших офицеров эстонской армии)⁸⁵, так и довольно крупные – во главе с майором Фридрихом (Францем) Кургом, полковниками Антсом-Хейно Кургом и Виктором Кёрном. Большинство этих группировок эстонских «лесных братьев» состояло из бывших офицеров эстонской армии и членов полувоенной организации «Омакайтсе», которая представляла собой аналог латышских айзсаргов или литовского «Союза стрелков» («Шаулю Саюнга»).

Один из этих полевых командиров, бывший полковник эстонской армии Антс-Хейно Кург, являлся давним агентом филиала абвера в Финляндии – «Бюро Целлариуса». Накануне нападения на Советский Союз Целлариус при содействии финской разведки начал активно готовить диверсионные группы из эстонцев, проживавших в Финляндии, для заброски в тыл Красной армии, захвата стратегически важных пунктов и организации националистических повстанческих отрядов в Эстонии. Из числа эстонских националистов в этой работе участвовали Антс-Хейно Кург, Макс Хоффман, Аксель Кристиан, Ральф Хорн и др.

Диверсионная группа полковника Антса-Хейно Курга получила кодовое наименование «Эрна». В нее вошли 14 человек, закончивших разведшколу в местечке Секе (Финляндия), включая радистов с двумя радиостанциями, и 70 бывших военнослужащих эстонской армии. 7 июля 1941 года первые 40 человек (28 нижних чинов и 3 офицера)⁸⁶ во главе с самим Кургом отплыли с побережья Финляндии на трех катерах и благополучно достигли берегов Эстонии в районе села Кабернэме Харьуского уезда (окрестности Таллина). Они должны были организовать шпионско-диверсионную деятельность на шоссейных и железных дорогах в тылу Красной армии⁸⁷. Позднее к группе присоединилось около 30 местных эстонских националистов⁸⁸.

Оставшийся в Финляндии личный состав группы «Эрна» был пополнен новыми людьми, разбит на подгруппы и заброшен в Эстонию вскоре после высадки «авангарда». Группа «Эрна-А» была выброшена с самолета в районе Вирусского уезда (район г. Раквере) с задачей вести наблюдение за передвижениями Красной армии. Группа «Эрна-В» была выброшена в тот же день в районе волости Равила Харьуского уезда с задачей вести наблюдение за передвижениями частей советской 8-й армии и за работой железнодорожной магистрали Тапа – Таллин. Группа «Эрна-С» была выброшена 21 июля в районе Таллина, получив задание наблюдать за работой на оборонительных рубежах Красной армии вокруг Таллина. Все четыре группы были снабжены радиостанциями для связи с Центром. Впоследствии к ним присоединились и участники местных националистических вооруженных формирований⁸⁹. Личный состав группы «Эрна» был одет в униформу финской армии, но вместо финской кокарды носил на кепи металлическую эмблему в виде пронзенной кинжалом латинской буквы «Е»⁹⁰. Совершая убийства советских активистов и офицеров РККА, диверсанты из группы «Эрна» в качестве своей «визитной карточки» вырезали на телах жертв букву «Е» и оставляли на месте преступления окровавленный финский нож.

Помимо «Эрны» в Эстонию (на территорию волостей Миссо и Руусмяэ Вирусского уезда) в конце июня 1941 года была заброшена самолетом из Германии шпионская группа капитана Курта фон Глазенаппа. Глазенапп, прибалтийский немец, бывший владелец мызы Рогози в Эстонии, незадолго до начала войны выехал из Эстонии в Германию. Одной из его задач было организовать деятельность националистического подполья в Вирусском уезде и установить связь с вооруженными отрядами эстонских националистов на территории Тартуского

уезда. По требованию Глазенаппа немцы организовали выброску оружия и боеприпасов для них⁹¹.

Группа полковника Виктора Кёрна действовала в районе Пярну и, предположительно, пользовалась поддержкой абвера. Например, в первых числах июля 1941 года немцы десантировали диверсионно-разведывательную группу в волости Тали Пярнуского уезда, которая сразу же установила связь с местными «лесными братьями» (а группа полковника Кёрна действовала именно в этом районе). По радиации в центр была отправлена просьба переправить вооружение для эстонских боевиков в волости Тали. В скором времени немцы с самолета сбросили им 27 винтовок, 2 легких пулемета, 2 снайперские винтовки и 7.000 патронов. После захвата немецкими войсками волости Тали националисты направили своих представителей в ближайший немецкий штаб в Ригу и получили еще 160 винтовок⁹².

Группа майора Фридриха Курга действовала в окрестностях Тарту. Ф. Кург, как и В. Кёрн, восстановил в контролируемых им районах Южной Эстонии довоенные органы власти. Его повседневные приказы и одобрителные отзывы немецких военных властей регулярно публиковались в издаваемой им газете «Postimees», которая выходила с 13 июля 1941 года⁹³. Очевидно, и он тоже пользовался поддержкой спецслужб Рейха.

Советские репрессии 1941 года

Органы госбезопасности вели постоянную напряженную работу по выяснению сроков предполагаемого нападения Германии на Советский Союз, а также поиску агентуры абвера в западных приграничных районах – прежде всего на Украине, в Белоруссии и в трех прибалтийских республиках. Но в июне 1941 года стало окончательно ясно, что времени больше нет. Война может начаться в любой момент, а оставлять у себя в ближнем тылу «пятую колонну» противника – рискованно и по меньшей мере неразумно. Поэтому 16 мая 1941 года ЦК ВКП (б) и СНК СССР издали постановление «о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии», на основании которого депортации подлежали:

- «...1) активные члены контрреволюционных организаций и члены их семей;
- 2) бывшие жандармы, охранники, руководящий состав полиции, тюрем и рядовые полицейские и тюремщики при наличии компроматериалов;
- 3) бывшие крупные помещики, торговцы (с годовым оборотом свыше 150 тыс. лат); бывшие фабриканты (с годовым оборотом свыше 200 тыс. лат) и крупные чиновники бывших буржуазных правительств, вместе с членами их семей;
- 4) бывшие офицеры, *в отношении которых имеются компроматериалы* [курсив наш. – М.К.] (в том числе и те, которые служили в территориальных корпусах Красной армии);
- 5) члены семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к высшей мере наказания, а также скрывающихся и перешедших на нелегальное положение;
- 6) лица, прибывшие по репатриации из Германии, а также уехавшие из Латвии в Германию при наличии в отношении их компроматериалов;
- 7) бежавшие из бывшей Польши, отказавшиеся принять советское гражданство;
- 8) уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью;
- 9) проститутки, зарегистрированные в полиции, занимающиеся прежней деятельностью»⁹⁴.

Таким образом, все меры, предусмотренные в постановлении, были вполне логичными: нейтрализовать активных деятелей террористических группировок и всех тех, кто мог оказывать им содействие, а также подозревался в связях с германскими спецслужбами.

Однако сама операция откладывалась в течение месяца и была осуществлена лишь 14–15 июня 1941 года, когда стало ясно, что война с Германией начнется в самое ближайшее время. (Точная дата нападения была известна руководству органов госбезопасности задолго до этого срока, хотя не все в руководстве Советского Союза верили этим данным.)

В результате операции, проведенной 14 июня 1941 года, в Литве были арестованы и высланы за пределы Литовской ССР: 1) Активные члены контрреволюционных националистических и белогвардейских организаций и члены их семей: арестовано – 1.877, выселено – 4.277. 2) Бывшие охранники, жандармы, руководящий состав полицейских и тюремщиков, а также рядовые полицейские и тюремщики, на которых имели компроматериалы, и члены их семей: арестовано 617, выселено – 1.266. 3) Бывшие крупные помещики, фабриканты и чиновники государственного аппарата и члены их семей: арестовано – 1.122, выселено – 2.560. 4) Бывшие офицеры литовской и белой армий, на которых имели компроматериалы, и члены их семей: арестовано – 104, выселено – 176. 5) Члены семей участников контрреволюционных организаций, которые были осуждены к ВМН: арестовано – 27, выселено – 64. 6) Лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации, а также немцы, записавшиеся на репатриацию в Германию и не уехавшие по различным причинам, в отношении которых имели компроматериалы: арестовано – 66, выселено – 99. 7) Беженцы из буржуазной Польши: арестовано – 337, выселено – 1.330. 8) Военнослужащие армейских территориальных корпусов: арестовано – 285. 9) Про-

ститутки, зарегистрированные бывшими полицейскими органами Литвы, которые продолжали заниматься проституцией: выселено – 395. 10) Уголовный элемент: арестовано – 1.229⁹⁵.

Таким образом, всего по Литве в ночь с 14 на 15 июня 1941 года было арестовано 5.664 человека, выселено – 10.187. Итого репрессировано – 15.851 человек.

В Латвии в ту же ночь на 14 июня 1941 года было арестовано 4.550 человек, а еще 9.119 человек было депортировано из республики. В списки тех, кто подлежал депортации, были включены бывшие охранники тюрем, жандармы, чиновники полиции, а также 281 проститутка и 543 уголовника-рецидивиста. Основную массу депортированных вывозили в Красноярский край⁹⁶.

Из Эстонии в течение 14–16 июня 1941 года было арестовано 3.178 и выселено 5.978 человек, всего же подверглось репрессиям от 9.156 человек⁹⁷ до 11.000 человек⁹⁸.

В ходе этих жестоких, но вынужденных мероприятий руководство НКГБ тщательно следило за тем, чтобы исполнители не превысили своих полномочий. 15 июня 1941 года НКГБ СССР, в частности, отмечал: «... Имеются также сведения о том, что в ряде мест у выселяемых отбираются бытовые ценности (часы, портсигары, кольца и пр.). Напоминаем, что изъятию подлежит только оружие, валюта, золото и серебро в слитках и контрреволюционная литература...» В том же указании НКГБ СССР потребовал: «... профильтровать весь состав заключенных и в случае выявления лиц, арестованных неправильно, также поставить перед НКГБ СССР вопрос об их освобождении из заключения и возвращении из высылки их семей...»⁹⁹.

В итоге за 3 дня с 14 по 17 июня 1941 года, по данным НКГБ СССР от 17 июня 1941 года, «по Литве: арестовано 5.664 человек, выселено 10.187 человек, всего репрессировано 15.851 человек. По Латвии: арестовано 5.625 человек, выселено 9.546 человек, всего репрессировано 15.171 человек. По Эстонии: арестовано 3.178 человек, выселено 5.978 человек, всего репрессировано 9.156 человек»¹⁰⁰.

Всего по всем трем республикам Прибалтики было арестовано 14.467 чел., выселено 25.711 чел., таким образом, всего репрессировано – 40.178 чел. Аресты были проведены также и во всех территориальных корпусах Красной армии, сформированных в 1940 году из частей и подразделений армий прибалтийских государств. К 22 июня 1941 года было арестовано 933 офицера, в том числе в «Латвийском территориальном корпусе» – 424, в «Литовском» – 285, в «Эстонском» – 224 человека. Но большая часть офицеров этих армий после проверок была включена в кадры Красной армии и продолжала службу в ее рядах¹⁰¹.

Фактически гражданская война в Прибалтике была предотвращена ценой репрессий, так сказать, малой кровью. При этом многие из будущих коллаборационистов – как, например, бывший премьер-министр Эстонии Юрий Улуотс или его латышский коллега д-р Альфредс Валдманис – к началу войны по неизвестным причинам не были репрессированы, хотя, по идее, их должны были выслать в первую очередь, особенно если бы репрессии действительно были «повальными», как утверждают многие сегодня в Прибалтике.

Версия коллаборационистов

Слухи о «повальных арестах» активно распространяла в оккупированной Латвии немецкая пропаганда. В качестве примера можно привести рассказ латышского полицейского Петериса Л. из 16-го латышского полицейского батальона.

«Когда немцы пришли, – вспоминает Петерис Л., – они сообщили, что только в Литене расстреляно [большевиками] около 220 человек. Немцы охотно демонстрировали черные дела коммунистов. И, насколько я знаю, родственники выкапывали своих, увозили хоронить. А еще Балтэзерс, а чекистские подвалы... В медучилище, где я учился в 41–42 годах, нас возили на экскурсию в чека. В подвалы не пустили, но рассказывали, что там творилось. Вход был с угла. Потом вошли мы, проследовали через ряд помещений и очутились в гараже – есть там такой почти квадратный гараж, слегка вытянутый в длину. Выход с гаража прямо во двор – четырехугольный двор. И в точности напротив гаража железные ворота, которые выходят на улицу Стабу [в советские времена улица Фридриха Энгельса]. Кажется, нам тогда показали два таких бокса, где велись расстрелы. Вся стена выптерблена пулями, заляпана мозгами... Канализацию показали, куда все стекало. Пояснили, что трупы складывали в кузов грузовика и вывозили...»¹⁰²

После войны этот миф поддержали и многие прибалтийские эмигранты, которые в годы оккупации играли в «лояльную оппозицию» к гитлеровскому режиму. К примеру, профессор Арвед Швабе в своей книге «История Латвии», вышедшей в Стокгольме в 1958 году, идет еще дальше гитлеровцев и утверждает, что «за год советской оккупации русские депортировали и убили 131.500 прибалтов»¹⁰³. Эти цифры явно взяты из немецких документов. Профессор Латвийского университета Швабе считается уважаемым юристом, поэтом, прозаиком и переводчиком. В годы немецко-фашистской оккупации немцы не очень доверяли ему из-за некоторых разногласий по «еврейскому вопросу»¹⁰⁴. Но это не помешало ему в 1941–1944 гг. возглавлять «Историческое хранилище» в Риге. В 1944 году, вместе с отступающими германскими войсками, Швабе бежал в Германию. Там он был арестован и отправлен в Дахау, видимо, заодно с другими членами «Латвийского центрального совета» (ЛЦС), так как он был в числе подписавших меморандум ЛЦС от 17 марта 1944 года. С 1949 года Швабе обосновался в Швеции. Именно там и были написаны такие его труды, как уже названная «История Латвии», а также два издания «Латвийского энциклопедического словаря» (1950–1955 и 1958).

После войны у профессора Швабе нашлось много последователей, приводивших цифры жертв «советских репрессий» в Прибалтике, прямо скажем, взятые с потолка.

Так, в январе 1995 года группа аналитиков из Библиотеки Конгресса США при поддержке министерства обороны составила справочный материал по республикам Прибалтики. (Сразу заметим, что о советских реформах и капиталовложениях в промышленность и сельское хозяйство республик Прибалтики в этом опусе нет ни слова.) По словам авторов этого «труда», в Литве «советское господство принесло радикальные политические и экономические перемены и сталинский террор, кульминацией которого стала депортация более 30.000 человек в ночь с 14 на 15 июня 1941 года. Германия прервала сталинский террор, напав на Советский Союз 22 июня 1941 года...». Латвия, по их же словам, за год «советской оккупации» «потеряла 35.000 человек в результате казней и депортаций». И только в отношении Эстонии приводится цифра репрессированных, примерно соответствующая действительности, – около 10.000 человек (какая скромность!)¹⁰⁵.

Откуда взялись такие цифры? Эстонский коллаборационист Юрий Улуотс в своем обращении к германским властям осенью 1941 года, например, упоминает цифру аж в 100.000 человек, которые якобы были репрессированы советской властью в одной только Эстонии (!). Хотя

на самом деле, как поясняет западный историк Зеппо Миллиниemi, число вывезенных из Эстонии в июне 1941 года составляло 60.973 человека, из которых лишь около 11 тысяч были действительно депортированы. Остальные – это эвакуированные в СССР государственные, партийные, хозяйственные чиновники, специалисты, инженеры, их семьи, а также те, кто был призван на службу в рядах Красной армии¹⁰⁶. На самом деле, согласно рассекреченным данным НКВД СССР, в Эстонии было арестовано 3.178 и выселено 5.978 человек, итого было репрессировано в общей сложности 9.156 человек¹⁰⁷.

Что касается Литвы, то в «Сводке донесений из оккупированных восточных областей № 8 начальника германской полиции безопасности и СД от 19 июня 1942 года» приводится цифра в 40.000 человек. «В то время как влияние евреев первоначально было ограничено в основном экономикой, – говорится в той же сводке, – то после оккупации Литвы Советским Союзом в 1940 году они добились также господствующего влияния во всей общественной жизни. Характерно, что в НКВД работали прежде всего евреи. Таким образом, по их инициативе около 40.000 литовцев было сослано в Сибирь»¹⁰⁸. В действительности, по данным НКВД, в Литве в 1941 году было арестовано 5.664 человека, выселено 10.187 человек, а всего репрессировано 15.851 человек¹⁰⁹.

Примерно так же создавалась немцами фальшивка по поводу советских репрессий в Латвии. «Во время еврейско-большевистского террора в общей сложности 33.038 латышей были сосланы, арестованы или убиты», – говорится в донесении о деятельности эйнзатцгруппы «А» за период с 16 октября 1941 по 31 января 1942 года.¹¹⁰ Приведенная цифра завышена в три раза – довольно-таки скромно. Ведь помимо арестованных и депортированных из прифронтовой зоны, включавшей Латвию, а также некоторые районы Литвы и Эстонии, в июне 1941 года было эвакуировано 53 тысячи человек¹¹¹, в числе которых были и многие будущие военнослужащие 130-го латышского стрелкового корпуса, сражавшиеся впоследствии против гитлеровцев и их пособников за освобождение своей страны.

Гитлеровцы не скупились на рассказы о зверствах «жидо-большевиков» в Прибалтике. Все эти немецкие фальшивки преследовали двоякую цель: во-первых, разжечь ненависть местного населения к советской власти, во-вторых, натравить их на евреев, которые в ряде немецких документов ассоциировались с советской властью.

Дополним сухую статистику живыми эмоциональными высказываниями двух людей, оказавшихся в войне по разные стороны баррикад.

Рассказывает бывший солдат 16-го латышского полицейского полка, впоследствии – легионер 19-й латышской дивизии войск СС Петерис Л.:

«...О том, как у нас в 1940 году советская власть устанавливалась, насколько демократически, как теперь говорят. Отец мой, столяр, работали мы неподалеку от Валмиеры. Каждый был занят своим делом. Как-то приходит человек из города и сообщает новость – русские идут. Никто этому не верит. Отец мне говорит – сходи посмотри. Я пошел. Русские войска переходят мост через Гаюю и направляются по улице Ригас в гору – в сторону Риги. С двух сторон любопытные. Воины латвийской армии, полицейские стоят шпалерами вдоль тротуаров. «Ура» никто не кричит. Зеваки. Смотрят – и все.

...Было часов шесть. На улице показались двое в красных нарукавных повязках с белыми буквами «PD» [латышская аббревиатура, означающая «служба содействия»]. Рабочие спрашивают что это – PD. Оказалось, эти PD обходят все дома, созывая людей на базарную площадь. Явка обязательна, в каждом доме может остаться по одному человеку, желательно из немощных, старых или больных. Отец и не думал спешить, а еще несколько человек, работавших над гипсовыми фигурами, фигурами потолка, вообще не собирались идти. Но во второй раз PD являются – всем идти безоговорочно. Отец сказал – ладно. Отправились мы на базарную площадь. Чуть ли не последними пришли. На площади трибуну возвели, вокруг – масса, словом,

вся Валмиера. Мы с краю встали, площадь была окружена красноармейцами, в 15–20 шагах от толпы. Со штыками наперевес, винтовки в людей нацелены. Что там с трибуны вещали – слышать было трудно, громкоговорителей не имелось. Духовой оркестр грянул «Интернационал». Все вздымали кулаки. Если кто вскидывает сжатый кулак – пусть его, нам-то какое дело. Подскочил русский солдат и отца штыком по заднице – ну, вскидывай кулак. Тут, конечно, те, кто еще не успел это сделать, спохватились. ...Когда митинг закончился, толпе не дали разойтись и организовали шествие к месту захоронения комсомольцев. Под конвоем с двух сторон все туда и двинулись. Там опять был митинг. И только тогда разрешили разойтись по домам.

Правильно ли поступил Ульманис, приняв ультиматум?

В народе говорили, что неправильно, надо было сопротивляться. Уверенность в этом окрепла, когда последовали повальные аресты. Говорили: в случае сопротивления было бы меньше жертв, чем сейчас. Поэтому надо было сражаться. Пусть и проиграли бы. Сегодня это более чем ясно. Мы потеряли бы людей не больше, чем в результате высылки»¹¹².

Читая этот анонимный рассказ «гренадера» (точнее – «гренадера войск СС»), невольно приходят на ум два вопроса. Во-первых, почему же все-таки лучше было сопротивляться, если все равно «проиграли бы»? Вот уж после вооруженного сопротивления могли последовать и «повальные аресты» – это наверняка. Очевидно, противники советской власти рассчитывали на гитлеровскую Германию, которая не бросит их на произвол судьбы и придет на помощь в решающий момент... А уж в послевоенных советских репрессиях остается винить только самих же карателей вроде того же Петериса Л. и его хозяев – немцев и латышских коллаборационистов. Если бы не их сотрудничество с гитлеровской Германией, если бы не их преступления, то меньше было бы судебных процессов над карателями, меньше было бы случайных жертв, сначала насильно призванных в легионы СС, а после войны депортированных в лагеря как военнопленные...

Предоставим теперь слово другому очевидцу. Рассказывает Рейнгольд Райбайс, бывший снайпер 123-го полка 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии, один из 33 тысяч якобы «депортированных» из Латвии накануне войны:

«Про довоенное житье-бытье распространяться не буду. Скажу только, что в буржуазной Латвии нашей семье жилось неважно. Не только из-за безработицы. Отец у меня был латышским красным стрелком. Воевал в гражданскую. Ну, сам понимаешь, какое было к нему отношение. Я работал то грузчиком, то шофером. Как повезет... После лета 1940 года жизнь стала налаживаться. Пошла повеселее. А тут – война! Мы с отцом, конечно, в стороне не остались. Пошли по общей дороге. Даже про мать родную забыли. Отчего у меня на совести – вечный камень. Расстреляли ее немецкие прихвостни. На третью неделю после нашего ухода»¹¹³.

Еще в годы войны секретарь ЦК компартии Латвии Арвид Пельше в газете «За Советскую Латвию» (1942, № 18) писал:

«Ложь и хитрость, обман и месть издревле пребывали в арсенале завоевателей; когда им требовалось повлиять на легковверных или создать иллюзию успеха, наряду с мечом они пускали в ход и свое коронное оружие – ложь»¹¹⁴.

Что собой представляли те, кто создавал эту ложь? Коллаборационисты, кровно заинтересованные в оккупационном режиме, в победе Гитлера. Довольно верную характеристику для них дал палач народов Прибалтики обергруппенфюрер СС Фридрих Йеккельн.

«Мне приходилось взаимодействовать по многим вопросам, – показал он на судебном процессе в Риге в 1946 году, – и с руководителем латвийского самоуправления генерал-директором Латвии Данкерсом, генерал-советником Литовского самоуправления Кубилионасом, генерал-директором Эстонии доктором Мяэ. Все они, замечу, были большими друзьями немцев. Эти люди руководствовались только немецкими интересами и нисколько не задумывались о судьбе своих народов. Из разговоров с ними я понял, что они хотят уничтожить большевиков

не меньше, а может быть больше, чем мы, немцы. Эти люди считали, что даже если Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, ибо мы ликвидируем всех советских патриотов, всех коммунистов. А без патриотов и коммунистов им гораздо легче будет запродать свои народы другим сильным державам»¹¹⁵.

Пусть каждый сам делает выводы из этих нескольких рассказов.

Глава 2

Литва

«Июньское восстание» 1941 года

Части вермахта вошли в города Каунас и Вильнюс 24 июня 1941 года, всего через два дня после начала войны, а уже к 27 июня оккупация всей Литвы была завершена. В эти дни казалось, что блицкриг идет по плану. Вслед за армейскими частями следовали эйнзатцкоманды. В первые дни войны на территории Литвы действовали сразу три эйнзатцкоманды. В Шяуляй 27 июня вошла эйнзатцкоманда «2» под командованием Рудольфа Батца; в Каунас 2 июля вступила эйнзатцкоманда «3» под командованием штандартенфюрера СС Карла Йегера, а в Вильнюсе с 9 августа действовала эйнзатцкоманда «9» под командованием Фильберта (из состава эйнзатцгруппы «В», действовавшей в тылу немецкой группы армий «Центр»). Позднее функции полиции безопасности и СД в Литве взяла на себя эйнзатцкоманда «3» под командованием Йегера¹¹⁶.

Но литовские «помощники» успели опередить своих немецких «коллег», захватив власть в ряде городов уже 23–27 июня, сразу после эвакуации советских госучреждений и частей Красной армии. Власть взяли в свои руки комитеты ФЛА и действовавшие от его имени вооруженные группировки – «Шаулю Саюнга» («Союз стрелков») и «Яунои Лиетува» («Молодая Литва»). Численность этих группировок, действовавших под контролем ФЛА, составляла от 35.000 до 36.000 человек¹¹⁷. Кроме того, еще от 90.000¹¹⁸ до 100.000¹¹⁹ вооруженных литовских националистов действовали в разрозненных отрядах, которые не контролировались ФЛА, – таких как группировка сторонников бывшего премьер-министра А. Вольдемараса «Железный волк» («Geležinis Vilkas»), «Комитет спасения Литвы» или «Неолиетува»¹²⁰. Многие из этих отрядов были сформированы при непосредственном участии немецкой разведки. Управление «Абвер-II», занимавшееся диверсиями и саботажем, накануне войны против Советского Союза сколотило свои «особые отряды» для действий в Северной Прибалтике. Например, один из таких отрядов, одетый в советскую форму, имел задание захватить железнодорожный туннель и мосты близ Вильнюса¹²¹. Потери литовских националистов в боях с Красной армией в первые дни войны составили, по их собственным данным, от 4.000¹²² до 5.000 человек¹²³.

Создание «временного правительства Литвы»

В Каунасе местный городской комитет ФЛА уже 23 июня 1941 года взял власть в свои руки, едва Каунас был оставлен частями Красной армии. В тот же день, 23 июня, по каунасскому радио от имени «Фронта литовских активистов» выступил один из его лидеров, Леонас Прапуолянис, который выразил благодарность Гитлеру «за освобождение Литвы» и объявил о создании «временного правительства Литвы»¹²⁴. Премьер-министром был заочно провозглашен бывший посол в Берлине Казис Шкирпа, так как немцы не выпустили его из Берлина. Министром иностранных дел был назначен Раполас Скипитис, министром обороны – генерал Стасис Раштикис (тоже заочно, так как находились в это время в Германии). Временно исполняющим обязанности главы правительства стал Юозас Амбразявичюс (одновременно – министр просвещения), министром внутренних дел – Ионас Шлепетис, министром финансов – Ионас Матулёнис, министром торговли – Пранас Вайнаускас, министром промышленности – Адольфас Дамушис, министром сельского хозяйства – Балис Виткус, министром труда – Юозас Паяуйис, министром юстиции – Мечисловас Мацкявичюс, министром путей сообщения – Антанас Новицкис, министром здравоохранения – Ксаверас Венцюс, управляющим продовольствием – Владас Грудзинскас. Не особенно приметный пост «министра коммунального хозяйства» в этом правительстве занимал Витаутас Жямкальнис-Ландсбергис, отец будущего лидера «Саюдиса» и президента Литвы Витаутаса Ландсбергиса¹²⁵.

Не дожидаясь, пока остальные члены «кабинета министров» прибудут в Литву, «временное правительство» Амбразявичюса и Каунасский штаб ФЛА взяли всю власть в свои руки. ФЛА приказал организовать местные отряды «самообороны» под командованием полковника Людвикаса Буткявичюса, военную комендатуру г. Каунаса и Каунасского округа во главе с полковником Юргисом Бобялисом и восстановить полицию¹²⁶. В этот же день по каунасскому радио было оглашено первое распоряжение штаба местной «литовской самообороны», в котором говорилось: «а) везде создавать части местной самообороны, которые занимались бы охраной имущества граждан и государства; б) оставшимся чиновникам независимой Литвы принять на себя администрацию и полицию, а где таковых нет, руководство частей самообороны должно временно назначить их; с) в г. Каунасе была объявлена мобилизация всех отставных офицеров и унтер-офицеров»¹²⁷. 3 июля 1941 года вышел в свет первый номер газеты «Фронта литовских активистов» «*Į Laisvę*», в которой была опубликована политическая декларация ФЛА¹²⁸. В ней заявлялось, что независимая Литва готова всячески содействовать Германии в построении «Новой Европы».

Тем временем еще 23–24 июня в Каунасе были созданы военная комендатура во главе с полковником Юргисом Бобялисом и части «самообороны». С одобрения министра внутренних дел Шлепетиса и с подачи городского военного коменданта полковника Бобялиса, который почти ежедневно издавал антиеврейские указы, в городе начались еврейские погромы¹²⁹. Части «самообороны» отчасти сами участвовали в арестах, отчасти охраняли погромщиков.

«Самоочищение» Литвы: Каунас

26 июня 1941 года банды националистов из группировок «Шаулю Саюнга», «Яунои Лиеува», «Нео Литуания» и других учинили первый массовый погром в пригороде Каунаса – Вильямполе¹³⁰. Вооруженные погромщики врывались в квартиры по улицам Панерю, Видурине, Юрбарко и Арегалос, где жили евреи, советские активисты, сочувствующие Советам и те, чьи сыновья служили в Красной армии, и убивали всех, кто попадался им на пути. По-видимому, «черные списки» составлялись заранее. Раввину Салману Оссовскому отрезали голову пилой, а главе Вильямпольской еврейской общины Абрахаму Гродзенскому отрезали язык и выкололи глаза. Детям разбивали головы прикладами винтовок. Людей вырезали целыми семьями в их собственных квартирах, а тех, кто пытался спастись, ловили и убивали на улицах.

Некоторые пытались оказывать сопротивление погромщикам. Так, рабочий Бенцль Файн проломил череп бандиту, ворвавшемуся в его квартиру. Но толпа погромщиков буквально разорвала его на куски, так же, как и его жену, а их ребенку оторвали голову и выбросили из окна на улицу, где она лежала еще несколько дней. Рабочий-металлист Акива Пухерт с каунасской фабрики «Дробе», чью семью убили в собственной квартире в доме № 10 по улице Арегалос, перед смертью из последних сил написал на стене своей кровью слово «Мсть!» Другой молодой еврей по фамилии Страж, служащий Каунасского банка, бросился на одного из бандитов и выколол ему глаза. Кузнец Йитцик Фридман вышел на улицу с топором, чтобы защитить свой дом. Шмуэль Катц голыми руками отбивался от погромщиков. И таких случаев было множество¹³¹. Но что эти смелые люди могли сделать против винтовок и пулеметов?

Доктор Елена Буйвидайте-Куторгене так описывала в своем дневнике 26 июня 1941 года первые погромы в Каунасе: «Немцы позволяют стрелять ночью в завоеванном ими городе! Ясно, что убийцы действовали с дозволения новых хозяев»¹³².

Кстати, в эти дни город контролировали части вермахта, так как зондеркоманда «1b» вошла в Каунас 28 июня, а эйнзатцкоманда «3» – только 2 июля 1941 года.

Тела убитых валялись в квартирах, подъездах домов, подвалах, на лестницах, в подворотнях. Некоторые еще сжимали в руках топоры и палки, с помощью которых пытались защитить свои семьи от озверевших бандитов¹³³.

Когда в Каунас 28 июня вошла передовая команда (Vorkommando) зондеркоманды «1b», часть «работы по окончательному решению еврейского вопроса» уже была выполнена местными националистами. Начальник германской полиции безопасности и СД Рейнхард Гейдрих в одном из первых своих оперативных отчетов о положении в СССР так сообщал Гитлеру об этих погромах:

«...28 июня передовая команда [зондеркоманды «1b»] вошла в Каунас. Она начала свою деятельность, заняв бывшие здания совета профсоюзов, НКВД и два других здания. В течение ночи в городе происходили перестрелки между литовскими повстанцами, евреями и иррегулярными отрядами. Очень трудно охранять тюрьмы, которые переполнены. В течение последних трех дней литовские партизанские группы убили несколько тысяч евреев»¹³⁴.

Осуществлением погромов занимались, прежде всего, два литовских отряда: первый – под руководством журналиста Йонаса Климайтиса (около 600 человек), второй – под руководством врача д-ра Зигониса (около 200 человек).

...Еще в начале восточной кампании активные национальные силы Литвы объединились в так называемые партизанские соединения, чтобы активно участвовать в борьбе против большевизма. По их собственным данным, они потеряли 4.000 человек.

В Каунасе образовались четыре крупные партизанские группы, с которыми сразу же была установлена связь. *Общее руководство группами не осуществлялось, но каждая из них*

старалась действовать в возможно более тесном контакте с вермахтом [Курсив наш. – М.К.]. Поскольку участие партизан в военных действиях было невозможно по политическим мотивам, в короткий срок из надежных элементов недисциплинированных партизанских групп были сформированы вспомогательные части численностью 300 человек, командование которыми было поручено литовскому журналисту Климайтису.

...Задачей полиции безопасности является стимулирование стремления населения к самоочищению, придание этому стремлению нужного направления...

Впервые это удалось сделать в Литве, в Каунасе, с помощью партизан. По указанию немецкой стороны еврейский погром осуществил командир уже упоминавшейся партизанской группы Климайтис, однако для внешнего мира не существует ни одного указания со стороны немцев [Курсив наш. – М.К.]»¹³⁵.

Всего в ходе резни 26–28 июня 1941 года только в Вильямполе было зверски убито более 1.000 человек¹³⁶. По немецким же данным, общее количество жертв погромщиков за эти страшные три дня составило не менее 3.800 человек¹³⁷.

«В ночь первого погрома, – докладывал в Берлин четыре месяца спустя командир эйнзатцгруппы «А» Шталекер, – литовскими партизанами были уничтожены 1.500 евреев, сожжено или разрушено большое количество синагог, сожжен еврейский квартал, в котором находилось 60 домов. В последующие ночи таким же образом были обезврежены 2.300 евреев. В других районах Литвы были проведены подобные акции, но в меньшем объеме, которые распространялись и на оставшихся коммунистов»¹³⁸.

Погромы в Вильямполе и в других районах Каунаса продолжались три дня¹³⁹. Тех, кто избежал смерти во время погромов 26–28 июня, доставляли в VII форт Каунасской крепости, который стал первым на территории Литвы лагерем смерти.

«...Форт VII в Каунасе, – сообщал Гейдрих в очередной сводке событий из СССР от 6 июля 1941 года, – превращен в еврейский концлагерь, состоящий из двух секций: 1) еврей-мужчины, 2) еврейские женщины и дети. В настоящее время в форте содержится около 1.500 евреев. Охрану форта несут отряды литовских охранников.

В центральных тюрьмах содержатся также: 1.860 евреев, 214 литовцев, 134 русских, 1 латыш, 16 поляков.

Еще один концентрационный лагерь для евреев планируется создать в IX форте Каунаса»¹⁴⁰.

Уже к концу июня 1941 года литовские погромщики согнали в VII форт около 8.000 евреев – мужчин, женщин и детей. Их держали в подвальных помещениях без еды и питья; выходить было запрещено даже по нужде. Многие умирали от невыносимых условий, и их трупы оставались лежать рядом с живыми людьми. Мужчины и мальчики постарше были отделены от остальных и помещены в глубоком рву, окружавшем форт, под охраной стражников с пулеметами и автоматами. Буквально каждый день и каждую ночь националисты отбирали группу людей, которых отправляли якобы «на работы». Потом многие слышали звуки выстрелов со стороны близлежащего леса... Подобная же судьба ждала и тех, у кого находили какие-нибудь ценные вещи. Их уводили, отбирали все ценное, а потом расстреливали в лесу.

Но и здесь люди пытались сопротивляться. Так, Аарон Виленчук и Гилель Маринер, чудом пережившие казни и заключение в VII форте, впоследствии рассказали, как некоторые без оружия бросались на охранников. Каунасский доктор Борис Ходос перед расстрелом открыто призвал узников к сопротивлению, а потом, обращаясь к бандитам, крикнул: «Ваш день расплаты скоро придет!» Его расстреляли в упор, но не убили, а бросили умирать в агонии. Позже его подвиг повторили Хаим Хендле и учитель Мойше Гольдман¹⁴¹.

Все мужчины, содержащиеся во рву VII форта, были расстреляны к 1 июля 1941 года¹⁴². Позднее, 4 июля 1941 года, в VII форте было расстреляно 463 еврея (416 мужчин и 47 женщин). Еще 2.514 евреев было расстреляно в IV форте Каунаса 6 июля.

Впоследствии основным местом массовых казней стал IV форт Каунаса, где с 6 июля по 29 ноября 1941 года было уничтожено 22.690 человек, в основном евреев из Каунасского гетто¹⁴³.

2 июля в Каунас вступила эйнзатцкоманда «3» под командованием штандартенфюрера СС Йегера, которая с первых же дней попыталась «упорядочить» террор. Немецкая педантичность – как-никак надо всех пересчитать, все задокументировать, сколько людей, где и когда «экзекутировано», сколько среди них евреев, коммунистов, «саботажников» и прочих, скольких еще осталось убить...

Вскоре после вступления в Каунас эйнзатцкоманды «3» большинство отрядов литовских националистов было расформировано. Этот процесс начался еще с 28 июня 1941 года под руководством немецких военных властей, хотя все это время они охотно прибегали к помощи литовских националистов для борьбы с отставшими от своих частей красноармейцами и для расправ с коммунистами и евреями. До конца августа 1941 года большая часть литовских отрядов была разоружена, а остальные образовали всевозможные части «самообороны» и «вспомогательной полиции» под контролем эйнзатцкоманды «3» и вермахта. Некоторые из них, особо «отличившиеся» в ходе расправ над евреями и коммунистами, перешли в непосредственное подчинение эйнзатцкоманды «3». Часть поступила на службу к армейским комендантам и начальникам тыловых районов при немецких армиях и группе армий «Север»¹⁴⁴.

Так, функции «литовской политической полиции» в Каунасе выполнял так называемый «Летучий отряд оберштурмфюрера СС Хамана», сформированный примерно 6–7 июля 1941 года специально для организации погромов и массовых казней. Его возглавил заместитель командира эйнзатцкоманды «3» Йоахим Хаман¹⁴⁵, под началом которого действовало 8—10 сотрудников эйнзатцкоманды «3» и несколько десятков литовских националистов. С 7 по 28 июля 1941 года «летучим отрядом Хамана» было уничтожено в Мариамполе (Мариамполе, ныне г. Капсукас), Вендзиогале, Гиркалинея, Бабтае, Кедайняе, Паневежисе и VII форте Каунаса 1.320 евреев и коммунистов¹⁴⁶. Только за три неполных месяца (с 7 июля по 2 октября 1941 года) отряд Хамана провел 68 «операций» в разных городах и селах Литвы, в каждом из которых было уничтожено все еврейское население¹⁴⁷.

Некоторые литовские националисты еще в конце июня 1941 года под руководством эйнзатцкоманды «1b» образовали 5 рот «на службе германской полиции безопасности» (эта надпись красовалась на их нарукавных повязках). Официально они назывались «Литовской службой порядка» (нем.: Ordnungsdienst)¹⁴⁸. В начале июля шеф Имперской полиции безопасности Рейнхард Гейдрих сообщал Гитлеру в одной из сводок о положении на оккупированных территориях СССР: «...Около 250 человек из числа литовских партизан [националистов. – М.К.] оставлены на службе зондеркоманды [«1b»] и используются для будущих казней за пределами города»¹⁴⁹. Речь шла о трех ротах «Литовской службы порядка». Две роты из пяти были приданы зондеркоманде «1b» – одна из них несла охранную службу (в том числе охраняла печально знаменитый VII форт в Каунасе), другая выполняла полицейские функции. Оставшиеся 3 роты были приданы немецкому 11-му резервному полицейскому батальону, незадолго до того прибывшему в Каунас. Впоследствии 11-й полицейский батальон был переведен в Минск, где эти три литовские роты были вскоре расформированы¹⁵⁰.

Одной из первых в Литве частей «самообороны» стал сформированный в Каунасе 1-й батальон «Охраны национального труда» (лит.: «Tautos darbo apsauga», или сокращенно ТДА). Он был создан по приказу литовского коменданта г. Каунаса полковника Бобялиса и не раз

отличался особой жестокостью. Командиром 1-го батальона ТДА являлся Андрис Буткунас, а с 25 июня 1941 года – Казис Шимкус; заместителем командира батальона был Антанас Импульвичюс. Первоначально он действовал в непосредственном подчинении эйнзатцкоманды «3» и ее командира К. Йегера, а затем был передан в подчинение немецкого начальника полиции порядка в Литве майора охранной полиции Франца Лехтгалера¹⁵¹.

Тогда же в Каунасе было сформировано несколько «Литовских сотен» (нем.: Litauische Hundertschaften) под командованием Микельскаса Гарлаускаса, которые также выполняли карательные и полицейские функции. Позднее, в сентябре 1941 года, все сотни были преобразованы в роты и батальоны «самообороны», а в начале 1942 года образовали 13-й литовский полицейский батальон¹⁵².

...Между тем охота на евреев и сторонников советской власти продолжалась на улицах Каунаса. Уже после 2 июля в Каунасе были схвачены и казнены многие другие представители еврейской общины, советские и коммунистические деятели. В их числе были депутат Верховного Совета СССР Будинскене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Пранас Зибертас, профсоюзные лидеры Гирш Сеситский, Сендер Айгульский и Ерухим Натанзон, известный литовский поэт Витаутас Монтвила, известные рабочие Йозеф Витц, Щербаков (убитый вместе со своей женой и новорожденным сыном) и многие другие¹⁵³.

Всех, кого задерживали, тут же отправляли «на работы», хотя с этой работы никто не возвращался. Рассказывает парикмахер Пинхос Маркович, один из немногих, кому посчастливилось пережить оккупацию:

«Группа евреев, в которой был и я, была отправлена на работу в подвалы школы по улице Аукштайчу, дом 54. Все стены этих подвалов были забрызганы кровью. Повсюду на полу валялись человеческие руки, ноги, пальцы, части тела. Мы должны были вымыть стены, убрать и закопать во дворе человеческие останки. Нас «подбадривали» ударами хлыста»¹⁵⁴.

В гараже в доме № 43 на проспекте Витаутаса (в советские времена он назывался проспектом Ленина), в самом центре города, литовские погромщики зверски расправились с группой арестованных евреев, а потом устроили дикую оргию. Людей убивали лопатами, ножами, металлическими прутами... Тела были сложены в кучу. Потом один из бандитов взобрался на груды трупов и стал играть на губной гармошке. Остальные, опьянев от крови и водки, пели и плясали вокруг. Всю эту отвратительную картину снимали на фотоаппарат несколько немецких офицеров, присутствовавших при расправе...¹⁵⁵

Шеф германской полиции безопасности и СД Рейнхард Гейдрих в очередной оперативной сводке о положении в СССР от 11 июля 1941 года докладывал фюреру:

«...К этому времени в Каунасе ликвидировано в общей сложности 7.800 евреев, частично – в ходе погромов, частично – в ходе расстрелов, проводившихся литовскими командами. Все тела убраны. Новые массовые расстрелы больше невозможны, Поэтому я созвал еврейский комитет и заявил, что с этого времени нам нет смысла вмешиваться во внутренние распри между литовцами и евреями. ...Город Вильямполе намечен для размещения еврейского гетто»¹⁵⁶.

Некоторые литовцы, в том числе доктора Буйдивайте-Куторгене, Стаугайтис, Алекна, Кайрюкштитис, писательница Борткявичене и другие, пытались вызвать к немецким властям, призывая их прекратить еврейские погромы. Но им было недвусмысленно сказано, чтобы они не вмешивались не в свое дело, а если они сочувствуют евреям, то могут в скором времени разделить их участь. Позже так и случилось со многими из них...

Тем не менее многие литовцы, рискуя своей жизнью, прятали в своих домах и квартирах целые еврейские семьи. Один из них, Йонайтис, проживавший по улице Юратес, 16, в течение недели укрывал в своем доме евреев, сумевших пережить погромы в Вильямполе. Рабочий Стасис Йовайша с улицы Бенедиктинок (в советское время – улица Пакалнес) предупредил

ждал всех проходивших мимо евреев о том, что в Вильямполе идут погромы, а некоторых укрыл в своем доме. Писатель Казис Бинкис превратил свой дом в убежище для евреев, где несколько евреев смогло переждать эту страшную неделю, пока бандиты громили Вильямполе. Жена коммуниста, заводская работница Броне Липскене помогла спастись двум евреям – отцу и сыну Боруховичам, которых националисты собирались расстрелять перед штаб-квартирой «Шаулю Саюнга». Женщина бросилась на палачей с криком: «Убийцы! Кровавые собаки!» Рискуя своей жизнью, она отвлекла их на себя, а тем временем оба арестанта успели бежать. И таких примеров было множество. Литовцы, русские, поляки помогали евреям спастись от озверевших банд нелюдей¹⁵⁷.

«Самоочищение» Литвы: Вильнюс

В Вильнюсе события развивались примерно по тому же сценарию, что и в Каунасе. Когда 24 июня 1941 года части германской 16-й армии вошли в Вильнюс, они нашли там уже готовый административный аппарат для управления захваченным городом и окрестными уездами. Их литовские помощники еще не догадывались о том, что Вильнюс «захвачен», а не «освобожден», и поэтому из всех сил выслуживались перед оккупантами, организуя не только снабжение немецких войск, но также казни и еврейские погромы.

С одобрения немецкого военного коменданта города подполковника А. Ценпфеннига комендантом литовского гарнизона Вильнюса был назначен подполковник Генштаба Антанас Шпокаявичюс, а его начальником штаба – подполковник К. Дабулявичюс¹⁵⁸. Главой городского комитета ФЛА оставался доцент Стасис Жакаявичюс, а начальником литовской полиции Вильнюса (пока неофициально) – Антанас Ишкаускас¹⁵⁹.

С началом войны Вильнюсский комитет ФЛА был воссоздан заново, и на его основе был организован так называемый «Гражданский комитет», который возглавил доцент Вильнюсского университета Стасис Жакаявичус.

«Гражданский комитет» во главе с Жакаявичюсом взял на себя функции прежних министерств и даже по своей структуре делился на отделы и подотделы по административным отраслям¹⁶⁰. Начальником управления внутренних дел г. Вильнюса и Вильнюсского округа был назначен полковник К. Календра, которому было поручено восстановить литовскую полицию в Вильнюсском, Тракайском и Швенчёнском (Свенцянском) уездах Вильнюсского округа¹⁶¹. 27 июня 1941 года Календра издал приказ, в котором говорилось: «Приказываю всем бывшим сотрудникам полиции Вильнюсского края (Вильнюсский, Швенчёнский и Тракайский уезды), старостам волостей, секретарям волостей и другим служащим этих учреждений, которые работали в этих должностях и в этих учреждениях в границах Литовской Республики до 15 июня 1940 г., немедленно вернуться на свои бывшие должности, организовать учреждения и перенять от бывшей милиции все имущество в свое распоряжение и за него отвечать...»¹⁶²

8 июля 1941 года К. Календра представил немецкому военно-полевому коменданту Вильнюса полковнику Ценпфеннигу отчет о создании литовской полиции в Вильнюсе. Она делилась на полицейские участки в каждом уезде и в каждой волости на основе административно-территориальной структуры Литвы. В подчинении начальника литовской полиции каждого округа и уезда находились полицейские участки в небольших городах и волостях (каждый городской или волостной участок насчитывал от 10 до 20 человек личного состава). В Вильнюсе был создан пост начальника литовской полиции города и Вильнюсского округа, которому должны были подчиняться как городская полиция, так и полиция уездов Вильнюсского округа¹⁶³.

Через несколько дней германские власти утвердили Антанаса Ишкаускаса начальником полиции Вильнюса и Вильнюсского округа (фактически уже исполнявшего эти обязанности с конца июня 1941 г.), а его заместителем стал Ионас Эйгелис. Вся литовская полиция перешла в непосредственное подчинение фюрера СС и полиции в Литве бригадефюрера СС Л. Высоцкого¹⁶⁴.

14 июля 1941 года литовский гарнизон Вильнюса был подчинен немецкой комендатуре, а литовскому военному коменданту Вильнюса подполковнику Шпокаявичюсу было приказано сформировать из бывших литовских военнослужащих три батальона «Вильнюсской службы восстановления» (ВСВ) (лит.: Vilniaus atstatymo tarnyba, VAT) для несения охранной службы в немецком тылу¹⁶⁵. Каждый батальон должен был состоять из 800 чел., разбитых на 4 роты. Большинство из них были бывшими солдатами 184-й и 179-й литовских стрелковых дивизий

РККА, не успевших эвакуироваться с полигона в Пабраде. Всех их разместили в казармах на Антакальнисе (Вильнюс). Некоторое время их статус был не совсем ясен. 1-й батальон ВСВ назывался «сторожевым» и занимался борьбой с советскими партизанами и охраной железных дорог. 2-й, «служебный», выполнял функции вспомогательной полиции. 3-й, «рабочий» или «саперный», занимался общественными работами. К каждому батальону был прикреплен немецкий офицер-инструктор, фактически выполнявший обязанности командира: в 1-м батальоне – капитан Шрёдер, во 2-м – капитан Орт, в 3-м – капитан Хольцкнехт¹⁶⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.